

АЛЯ ПАЧИНОВНА

ПОДАРИ МНЕ СЕБЯ

до боли ...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СТРОГО 18+

18+

Аля Пачиновна

Подари мне себя до боли

«Автор»

2026

Пачиновна А.

Подари мне себя до боли / А. Пачиновна — «Автор», 2026

Он думал, что охотится. Она думала, что спасается бегством. На самом деле оба шли навстречу собственной судьбе. Когда невозможно купить то, что не продаётся, остаётся только одно — сделать так, чтобы тебе это подарили. Вот только самые дорогие подарки всегда меняют хозяина. 18+ Роман о страсти, власти, доверии и женщине, которая до последнего пыталась сохранить свободу. И о мужчине, который был уверен, что умеет владеть всем. Пока однажды сам не оказался в плену. После первых десяти глав обычно всё становится понятно. Либо это категорически не ваша книга. Либо дальше вы уже не сможете остановиться.

© Пачиновна А., 2026

© Автор, 2026

Аля Пачиновна

Подари мне себя до боли

Пролог

Раз-девайся, пока я смотрю на тебя в упор.

Е-два — узнавший тебя внутри, познаю снаружи.

Ш-три-хи твоих шрамов, морщин и ямок пор —

Четырёх часов не хватит всё обнаружить.

О-пять — за окном темнеет, сбиваясь с такта,

в котором тела наши корчатся массой алой.

Чтоб не кончить раньше, мысленно, как дурак,

до пяти считаю. И снова. И всё сначала.

Раз-реши мне любить тебя так, чтобы ты кричала.

Говорят, это излюбленный приём всех искусителей — создавать ложное ощущение выбора. Когда формально он вроде бы есть, но фактически — нет.

Если Еве достался такой же демон-манипулятор, то её давно пора реабилитировать в глазах всей человеческой цивилизации. Запретным плодом было не яблоко. Запретным плодом был сам Змей. И если он был хотя бы на десятую долю так же обаятелен, как Моронский, — у бедной женщины не было ни единого шанса.

Соня нервно усмехнулась.

Первый в человеческой истории курортный роман женщины и скользкого мудака закончился ровно так же банально, как и все последующие. Догрызла Ева яблоко соблазна и понуро поползла обратно к своему скучному Адаму.

Но ей-то простительно. Глупой прародительнице никто не объяснил, что связываться со змеями — это билет в один конец. Кубарем — на грешную, выжженную землю.

А в распоряжении Сони были триллионы подобных историй, прошедших сквозь века и описанных на всех языках мира.

Что ещё нужно знать женщине, чтобы взять ноги в руки и бежать без оглядки, спасая душу от этого сладкого ада?

Но Соня стянула юбку вниз и переступила через неё. Расстегнула уцелевшие пуговицы на блузке. Обе.

Осталась в белье.

Сколько там обычно длятся курортные романы?

Недели две?

Глава 1

Этот четверг Соня собиралась провести с парнем у него дома. Или у себя на диване с книжкой — что, если честно, выглядело даже привлекательнее.

Вместо этого ей пришлось влезть в узкое чёрное платье, балансировать на высокой шпильке и курсировать между снующими по галерее эстетами, изображая человека, который хоть что-то понимает в современном искусстве.

«Если кто-нибудь здесь о чём-нибудь меня спросит, я просто провалюсь сквозь пол», — думала Соня, переходя от одного «шедевра» к другому и стараясь не задерживать взгляд на полотнах слишком долго.

Особенно на деталях.

Она уже заметила закономерность: чем откровеннее была изображена сцена, тем плотнее вокруг картины собиралась толпа. Люди зависали перед полотнами надолго, будто гипнотизировали друг друга собственной распушенностью. Воздух в галерее постепенно густел — терпкий, липкий, почти осязаемый.

Нет, ханжой Соня не была. Иначе она бы просто не взялась оформлять эту выставку.

Это именно ей пришлось в голову залить пространство холодным белым светом, почти полностью приглушить верхнее освещение и пустить по периметру глянцевого пола неоновую подсветку. Бар оформить в диско-стилистике, а в динамики вместо привычного артхаусного эмбиента поставить тяжёлую, вязкую электронику.

Сейчас по залу гремело: *Porn is the Love*.

Нелли — её лучшая подруга и по совместительству новоиспечённая управляющая этой полумёртвой галереи — ухватилась за идею сразу.

Пока остальные площадки шарахались от выставки как от проказы, Нелька мгновенно поняла: именно такой скандал ей и нужен.

Эпатаж.

Завтра светские хроники будут забиты фотографиями мероприятия. И где-нибудь между снимками голых тел обязательно мелькнёт довольное лицо Нелли Корнеевой.

И надо признать — идея сработала.

Белый пол под неонам светился ультрафиолетом. На его фоне люди казались чёрными бумажными силуэтами. Свет мягко расплзался по стенам, и подсвеченные полотна словно висели в воздухе отдельно от них.

Над плейлистом они тоже убили несколько вечеров подряд. Идеальная музыка для идеальной похоти.

Тяжёлые ритмы перекликались с картинами — такими же откровенными, телесными, бесстыдными. Мужчины и женщины на полотнах сплетались в единое целое без малейшей попытки что-либо скрыть.

Но самым странным было то, что всё это выглядело... красиво.

Даже для Сони.

Хотя секс в её понимании всегда был продолжением любви. И никак иначе.

Близость между двумя людьми — это доверие. Нежность. Уязвимость.

А то, что висело сейчас на этих стенах...

Нет.

Это было про что-то совсем другое.

— Уииии!..

Нелька буквально влетела в неё со спины и стиснула в объятиях.

— Тихо, задушишь, — рассмеялась Соня.

Подруга сияла. Глаза блестели, очки съехали набок, на переносице выступили мелкие капли пота.

— Мы сделали это! Ты понимаешь?! Ко мне уже трое подошли насчёт своих выставок! А одна — какая-то супер модная фотография! Она снимает кольчатых червей! Червей, Соня! Я про неё читала!

Нелька тараторила, захлёбываясь восторгом.

— Ладно, ты пока потусуйся, выпей чего-нибудь. Я скоро!

И снова исчезла в толпе, оставив Соню наедине со всем этим... искусством.

Что, впрочем, Соню вполне устраивало.

Удивительно, но возле картины, рядом с которой она остановилась, никого не было. Наверное, потому что по местным меркам она выглядела почти целомудренной.

На чёрном фоне мужская и женская фигуры были обозначены всего несколькими резкими неоновыми мазками. Не картина — скорее набросок. Грубый, экспрессивный, нервный.

Соня задержалась перед полотном просто чтобы перевести дух.

Но взгляд сам зацепился за позу.

Женщина стояла с завязанными глазами. Мужчина удерживал её за волосы, намотав их на руку.

И почему-то именно эта картина смущала сильнее остальных.

Потому что здесь почти ничего не было показано напрямую.

Соня невольно наклонила голову, пытаясь понять выражение лица женщины.

Ей больно?

Или наоборот — слишком хорошо?

И как такое вообще может нравиться?

Любящий человек ведь не делает так. Любящий — нежный, внимательный, осторожный.

А это...

Это было похоже не на любовь.

А на голод.

Соня мысленно порадовалась, что её парень в подобных вопросах был предельно понятным и простым. Как букварь.

— Нравится?

Низкий мужской голос прозвучал совсем рядом.

Соня вздрогнула и резко обернулась.

Слишком неожиданно.

И почему-то сразу стало жарко.

— Что, простите?

Глава 2

Моронский Максим Андреевич находился в хроническом поиске острых ощущений.

Последние лет десять этим занимался уже не столько он сам, сколько специально обученные люди, ежедневно проверявшие собственную психику на прочность.

К тридцати двум годам Моронский успел попробовать почти всё, что вообще имело смысл пробовать. Побывал везде, куда стоило лететь. Управлял всем, что двигалось, — от спортивных байков до вертолётов. Не добрался разве что до шаттла.

Он нырял на глубину, плавал с акулами, охотился на кабанов, поднимался на Джомолунгму, прыгал с парашютом, с тарзанки, летал на параплане и однажды проехал Камино-Лос-Юнгас — боливийскую дорогу смерти, после которой обычные трассы казались прогулкой по супермаркету.

Опасность бодрила.

Но ненадолго.

В какой-то момент Моронский понял, что больше всего его пугает не смерть.

Скука.

Именно от неё он и бежал все последние годы — с упорством человека, который прекрасно знает: если остановится хоть на минуту, внутри станет слишком тихо.

Ни одно экстремальное развлечение не затягивало его так, как секс.

Прыжок с моста можно совершить один раз. Скорость на трассе тоже довольно быстро приедается.

С сексом всё было иначе.

Его хотелось снова.

И снова.

И снова.

Правда, здесь у Моронского существовали свои правила.

Женщин могло быть сколько угодно — одна, две, иногда больше. Внешность имела значение, конечно, но не решающее. Куда важнее было другое: эмоциональная отдача. Искренность. Голод. Способность терять контроль.

И главное — не сразу.

Вот это встречалось редко.

Большинство женщин слишком быстро начинали хотеть от него чего-то за пределами постели. Подарков. Статуса. Гарантий. Любви. Детей. Будущего.

Будущего у Моронского не было даже для самого себя.

Поэтому, как только очередная связь начинала двигаться в сторону «серьёзного разговора», он аккуратно завершал игру. Обычно — дорогим подарком и вежливым исчезновением.

После этого всё становилось скучным.

Секс превращался в переговоры.

А переговоров в его жизни и без того хватало.

Ещё одной слабостью Моронского было эротическое искусство.

Обычное порно он презирал — за фальшь, дешёвую постановку и убогую попытку выдать механический трах за человеческое желание.

Настоящий интерес вызывало другое. Когда художнику удавалось поймать не тело, а эмоцию. Женщину в момент, когда ей уже страшно остановиться. Мужчину — когда желание становилось сильнее контроля. Такие работы Моронский коллекционировал.

Именно поэтому сегодня вечером он всё-таки приехал на выставку современных художников-натуралистов, препарирующих главный человеческий инстинкт с энтузиазмом патологоанатомов.

Правда, такого количества публики он не ожидал.

Галерея была забита под завязку.

Толпа раздражала.

Ни одну работу толком рассмотреть не удалось.

Да и женщины вокруг, если честно, были так себе.

Он уже собирался уходить, когда возле выхода заметил одинокую женскую фигуру.

И тут впервые за вечер действительно стало интересно.

Моронский остановился чуть поодаль.

Высокая. Тёмные волосы рассыпаны по спине. Тонкая талия. Длинные ноги. Чёрное платье мягко обтягивало фигуру, не оставляя простора воображению — и именно поэтому воображение немедленно включалось на полную мощность.

Но дело было даже не в теле.

В девушке не было того отчаянного желания понравиться, которое Макс обычно считывал за секунду.

Она стояла отдельно от толпы. Немного напряжённая. Будто случайно попала не туда.

И именно это цепляло сильнее всего.

Пока Моронский разглядывал незнакомку, справа от него тяжело сопел невысокий полный мужчина в Patek Philippe. Тот пожирал девушку глазами с такой откровенной жадностью, что Максу стало почти безразлично.

— Убери его, — негромко сказал он охраннику.

— Совсем убрать или только отсюда? — уточнил Славик.

Макс лениво повернул голову.

— Только отсюда. И желательно без трупа.

— Понял.

Славик двинулся к мужчине.

— И вежливо, — добавил Макс ему вслед. — Не как в прошлый раз.

Через минуту полного гражданина уже аккуратно выводили из зала под предлогом потерянного бумажника.

Моронский снова посмотрел на девушку.

Никто не будет смотреть на неё так.

Даже если она останется с ним всего на одну ночь.

Даже если сама ещё об этом не знает.

Он медленно подошёл ближе.

Девушка стояла перед картиной, слегка наклонив голову к плечу.

На полотне почти ничего не было изображено напрямую — лишь мужской силуэт позади женщины с завязанными глазами. Рука в её волосах. Прогнутая спина. Полунамёк вместо откровенности.

И почему-то именно эту работу она рассматривала так внимательно.

Любопытно.

Моронский подошёл ещё ближе и наконец увидел её лицо.

Красивое. Очень. Но главное — живое. Не выученное. Не хищное. Не голодное.

Она смотрела на картину так, будто действительно пыталась понять происходящее между этими двумя. Как человек, ещё не знающий, что некоторые вещи понимаются только телом.

Уголок рта Макса едва заметно дрогнул.

Раз.

Два.

Три.

Поиграем.

— Нравится? — негромко спросил он.

Девушка вздрогнула и резко обернулась.

— Что, простите?

Глава 3

— Нравится выставка? — уточнил мужчина.

Соня слегка повернула голову, только чтобы убедиться: они точно не знакомы.

— Организация — да. Тема — на любителя.

Она отвернулась обратно к картине, ясно давая понять, что продолжать разговор не собирается.

Но незнакомца это, кажется, только заинтересовало.

— А вы любитель... или профессионал?

Соня нахмурилась.

Вопрос был совершенно невинным. И всё же внутри неприятно дрогнуло — где-то под рёбрами, ниже живота, слишком глубоко для обычного разговора.

Она не хотела смотреть на него. Почему-то сразу почувствовала — не стоит.

— В каком смысле? — осторожно уточнила она.

— Ну... какого рода вы ценитель прекрасного? Просто посмотреть? Или всё-таки в теме?

Соня скосила взгляд на его руки.

Тёмная рубашка. Закатанные до локтей рукава. Татуировки на пальцах. Несколько тяжёлых перстней.

Красивые кисти.

Почему она вообще об этом думает?

— И как вам работы? Конкретно эта? — не отступал мужчина.

«Господи, только не начинай спрашивать про скрытые смыслы», — мысленно взмолилась Соня.

Она совершенно не собиралась изображать из себя интеллектуалку ради мнения какого-то самодовольного арт-критика.

Лучше уж пусть считает её дурой.

По коже пробежал озноб. Соня обняла себя руками, пытаясь скрыть внезапную дрожь.

— Возле неё меньше всего извращенцев, — пробормотала она. — Наверное, потому что она здесь самая целомудренная.

Теперь всё-таки пришлось повернуться к нему полностью.

И это было ошибкой.

Тёмные глаза незнакомца вспыхнули с таким откровенным интересом, что Соня мгновенно почувствовала себя раздетой.

Не взгляд. Прикосновение. Медленное. Липкое. Опасное.

— О нет, — тихо произнёс мужчина, задержав взгляд на её губах. — Как раз целомудрие обычно и возбуждает сильнее всего.

Соне резко стало жарко.

— А что скажете о самой картине?

«Да что тебе вообще от меня надо?..»

— Ничего особенного, — сухо ответила она. — По-моему, это вообще сложно назвать искусством.

Уголок его рта дёрнулся.

— Правда? И в искусстве, и в сексе разбираетесь одинаково хорошо?

Соня замерла.

Вот теперь он сделал это специально.

— В искусстве — немного, — ответила она холоднее, чем чувствовала себя на самом деле.

— А в сексе?

Вопрос прозвучал почти негромко. Но внутри будто что-то ударило. Соня почувствовала, как вспыхнули щёки. Рядом с этим мужчиной мысли начинали путаться самым унижительным образом. Она не могла ни нормально ответить, ни просто уйти.

Инстинктивно сделала шаг назад.

Он — шаг вперёд.

И расстояние между ними почти исчезло.

Соня упёрлась спиной в стену.

Вот чёрт.

Мужчина лениво опёрся рукой рядом с её головой. Другой рукой медленно коснулся пряди её волос.

Слишком спокойно. Слишком интимно.

От него пахло табаком, мятой и чем-то дорогим, терпким, от чего кружилась голова.

— Так что? — тихо спросил он. — Разбираетесь?

Его взгляд медленно скользнул вниз: по шее, по ключицам, по груди — и снова вернулся к её лицу.

Не спеша.

Будто уже трогал.

Соня сглотнула и возненавидела себя за то, что он это заметил.

— Не особенно, — выдавила она. — Но моих представлений хватило, чтобы оформить эту выставку.

Теперь он действительно удивился.

— Нет, — медленно произнёс незнакомец. — Ты даже слово это вслух боишься сказать. Он сказал «ты» так естественно, будто всегда имел на это право.

— Послушайте... — Соня глубоко вдохнула, пытаясь вернуть себе хоть остатки самообладания. — Если бы мне вдруг захотелось поговорить о сексе с незнакомцем, я бы выбрала кого-нибудь менее... неприятного.

Он усмехнулся.

Тихо.

Почти довольно.

— А ты попробуй.

Голос прозвучал совсем близко. Слишком близко.

Соня наконец подняла глаза и посмотрела на него внимательно.

Высокий.

Тёмный.

Красивый той опасной, почти порочной красотой, которую нормальные женщины должны обходить стороной.

Жёсткая линия челюсти. Тёмная щетина. Расстёгнутый ворот рубашки. Взгляд человека, давно привыкшего получать желаемое.

И хуже всего было то, что её тело реагировало на него быстрее разума.

— Секс, — почти шёпотом произнёс он у самого её уха. — Такое короткое слово. А люди боятся его так, будто оно может разрушить им жизнь.

Может.

Соня была уверена — может.

— Я думаю, нам лучше закончить этот разговор.

Она осторожно отвела его руку от своих волос и шагнула в сторону.

Только бы выйти.

Только бы вдохнуть.

Но мужчина мягко перехватил её за локоть, разворачивая обратно к себе.

Без грубости. Именно поэтому стало ещё страшнее.

— А я пока ничего тебе не предлагал, — спокойно сказал он.

В её ладонь лёг прямоугольник плотного картона.

Визитка.

— К счастью, у меня ничего вашего нет, — холодно ответила Соня.

Развернулась и пошла к выходу.

У урны демонстративно смяла визитку и бросила поверх пластиковых стаканов.

Не оборачиваясь.

Хотя всей кожей чувствовала его взгляд между лопаток.

Глава 4

Убежала.

Моронский довольно зажмурился. Давненько он не встречал такого честного отпора. Не кокетливого, не выученного, не рассчитанного на то, чтобы поднять себе цену. Настоящего.

Именно это и заводило.

Обычная схема работала почти всегда: привлечь внимание, нарушить дистанцию, выбить почву из-под ног, довести до той точки, где женщина уже не понимает, чего боится сильнее — его или самой себя.

А эта убежала.

Макс тихо усмехнулся и посмотрел на тяжёлую дверь, за которой исчезла девушка.

Сама не поняла, что сделала.

Не ушла из игры.

Вошла в неё.

Он подозвал охрану коротким движением пальцев.

— Догнать? Вернуть? — спросил Быков.

Моронский покачал головой.

— Не надо.

Славик замер.

— Найди запись с той камеры, — Макс указал взглядом вверх и вправо. — И уничтожь.

— Понял, Максим Андреевич.

— И узнай про неё всё, что можно. И что нельзя — тоже. Она, кажется, оформляла выставку.

— Понял.

Быков уже собирался уходить, но Моронский кивнул в сторону урны.

— А визитка? Мне самому её доставать?

— Понял, — в очередной раз сказал Слава.

Он подошёл к урне, двумя пальцами извлёк смятый чёрный прямоугольник с золотым тиснением, секунду подумал и убрал его во внутренний карман пиджака.

Моронский снова оглядел зал.

Девчонка завела его не телом. Тело — ладно, тело у неё было редкое. Но таких он видел достаточно.

Его зацепила реакция. Румянец. Дрожь. Сбитое дыхание. Губа, которую она кусала, пыта-
ясь собрать себя обратно. Этот отчаянный внутренний запрет, который только сильнее выда-
вал желание.

Сознание её сопротивлялось. Тело уже нет. И от этого у Макса внутри поднялось знако-
мое, тёмное предвкушение.

Скоро она начнёт спорить не с ним. С собой.

Вот это было интересно.

Обладать — не телом. Телом слишком просто.

Обладать выбором. Мыслью. Страхом. Желанием. Заставить женщину самой подойти к
краю и сделать шаг, потом смотреть на него так, будто он виноват в том, что у неё под ногами
не оказалось земли.

Моронский медленно провёл языком по зубам.

Два дня.

Максимум неделя.

В конце зала, у колонны, он заметил блондинку в розовом, с которой, кажется, разгова-
ривал полчаса назад. Имени он не помнил. Лицо тоже держалось в памяти плохо: губы, рес-
ницы, декольте, слишком много старания.

Она заметила его взгляд и сразу оживилась.

— Скучаешь, милая?

— О, Макс, — блондинка расплылась в улыбке. — Я уже думала, ты про меня забыл.

— Как я мог?

Он мягко забрал у неё из рук бокал с дешёвым игристым.

— Потом допьёшь.

Она всё поняла.

Такие женщины всегда всё понимали раньше, чем он успевал объяснить.

Через минуту за ними закрылась дверь туалетной комнаты. Слава с Игорем остались
снаружи.

Блондинка старалась.

Слишком старалась.

В этом и была проблема.

Макс смотрел куда-то поверх её головы и думал совсем о другой женщине.

О тонком бледном лице.

О глазах цвета тёмного виски.

О том, как она вжалась в стену, ненавидя его и одновременно не в силах отвести взгляд. Блондинка что-то тихо всхлипнула.

Он раздражённо выдохнул.

Не то.

Не то тело. Не тот страх. Не то сопротивление. Не та искра.

Через несколько минут всё закончилось так же пусто, как и началось. Девушка опустилась на кафельный пол, пытаясь привести дыхание в порядок. Под глазами расплылась тушь.

Макс протянул ей бумажное полотенце.

— У тебя помада потекла.

— Спасибо, — она слабо улыбнулась. — А как же я?

— В следующий раз.

Она почти не обиделась. Только поправила платье и спросила:

— А можно мне пару пропусков в «Стекло»? Один для подруги.

— Возьми у охраны.

Он застегнул брюки, достал сигарету и закурил уже на выходе.

Блондинка тут же исчезла из памяти.

Перед глазами снова стояла высокая брюнетка в скромном чёрном платье.

Глава 5

— Сонечка, это ты? — услышала она, переступив порог квартиры.

— Да, мам, я дома.

Вера Александровна выглянула из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Я думала, ты сегодня к Лёве поедешь. Есть будешь?

— Не хочу пока. Может, позже.

На самом деле Соня сейчас не смогла бы проглотить ни кусочка. Желудок до сих пор был скручен каким-то нервным узлом.

Она прошла на кухню, налила себе полный стакан воды из графина и осушила его залпом. Подумала секунду, налила ещё один и снова выпила до дна.

По коже прошёл озноб.

Больше всего на свете ей хотелось сейчас встать под горячий душ и смыть с себя этот вечер. Этот голос. Этот взгляд.

— У тебя всё хорошо? — нахмурилась мама. — Ты не заболела? На тебе лица нет.

— Нет... всё нормально, мам. Голова просто...

Соня думала рассказать маме о странном мужике с выставки. Но не стала. Мама и так всю Сонину сознательную жизнь предостерегала ее от мудаков, коими, по мнению Веры Александровны являлось все мужское поголовье. Особенно те его представители, что игнорируют бритвы. Пуговицы на сорочках. И правила хорошего тона. А уж если у них руки в татуировках... Ничего хорошего от таких не жди. У таких всегда ножичек в кармане. Они им сначала на дереве сердечко вырежут. А потом и из Сониной груди.

И говорила она это так убедительно, что Соне пришлось заранее опасаться чуть ли не всех мужчин сразу.

— Лев звонил на домашний, — сказала мама. — Не мог дозвониться тебе на мобильный.

— Сейчас переоденусь и перезвоню.

Лёва.

Они встречались ещё с третьего курса архитектурного.

Хороший парень.

Надёжный, спокойный, предсказуемый. Гладко выбрит, аккуратно причёсан, выглажен — по мнению мамы. И по мнению самой Сони тоже.

С первого курса он её добивался. Водил в кино, в кафе, помогал с курсовыми, терпеливо ждал, пока Соня перестанет видеть в нём только друга.

Изначально выводить Лёву из френдзоны она вообще не собиралась.

Это всё мама.

«Посмотри, Соня, какой мальчик хороший! Всю жизнь тебя на руках носить будет!»

И Соня однажды действительно посмотрела внимательнее.

Да, хороший.

Да, воспитанный.

Да, млеет.

Но вот насчёт «на руках носить» были вопросы. Скорее, это Соне пришлось бы носить Лёву.

Недавно он устроился в крупное конструкторское бюро, а Клара Абрамовна — его мама — подарила сыну новый айфон в честь первой серьёзной работы.

Про женитьбу Лёва заговаривал уже не первый месяц. Пока без кольца, но достаточно настойчиво.

Соня отшучивалась.

Если честно, перспектива строить новую ячейку общества с положительным во всех смыслах Львом Голубкиным, но под одной крышей с его мамой — Кларой Абрамовной, не вызвала у Сони энтузиазма. Ее вполне устраивало текущее положение вещей. Она считала, что заводить семью нужно тогда, когда оба твёрдо стоят на ногах. А заниматься любовью, когда за стеной чья-то мама смотрит сериал, просто недопустимо. Лев же ничего предосудительного в этом не видел. Поэтому вопрос создания брачного союза откладывался в долгий ящик. Самой Соней. В остальном все было совершенно безоблачно между ними. Идеальные отношения — говорили все вокруг.

Их первый раз с Лёвой случился после выпускного. Тогда Клара Абрамовна уехала к сестре в Астрахань, предоставив квартиру в полное распоряжение сына. В ту ночь, набравшись алкоголем для смелости они и распрощались с Сониной невинностью. И не только с Сониной, судя по всему.

Несмотря на выпитый алкоголь, Лёва был нежен и внимателен. Даже заранее подготовился к событию: зажег свечи, рассыпал лепестки роз по простыне в мелкий милый цветочек.

Никто ничего толком не понял. Все случилось слишком быстро и оба думали, что так и должно быть. В принципе, все последующие интимные моменты проходили примерно по тому же сценарию: Клара Абрамовна внезапно куда-то уходила или уезжала, в спальне появлялись свечи, шторы плотно задергивались, аккуратно расправлялась постель, включалась романтическая медленная музыка.

Приготовления к волшебству длились дольше, чем само волшебство. Но, кажется Лёву это не беспокоило, да и Соню, по правде говоря, тоже. Никто из них не знал, как часто и как долго должна путешествовать Клара Абрамовна. Технически, все этапы процесса были соблюдены, а значит все было правильно, в обстановке полного взаимного уважения. Ситуацию, в которой Лёва вдруг схватил бы её за волосы или прижал к стене так, что стало бы нечем дышать, Соня не могла представить даже теоретически.

После того самого первого раза он, как хороший и воспитанный мамин сын, почти сразу заговорил про семью.

Наверное, потому что так было правильно.

Они оба выросли без отцов и довольно смутно представляли себе, как вообще выглядят отношения между мужчиной и женщиной.

Сонин отец ушёл, когда ей было лет пять.

Лёва своего не помнил вообще. От него мальчику досталась только фамилия — Голубкин.

— Выйдешь замуж за своего Лёву и станешь Голубкиной, — любила смеяться Нелька. Нельке Лёва категорически не нравился.

Она вообще ровесников всерьёз не воспринимала.

— Мужик должен быть старше. Лет на десять минимум, — заявляла она. — Чтобы от одного взгляда ноги подкашивались. С таким мужиком не обсуждают ипотеку и цены на гречку. А твой Лёва без маминого одобрения носки не выберет.

Соня вздохнула и нажала вызов.

— Привет, — сразу ответил Лёва. — Всё нормально? Ты трубку не брала.

— Да. В галерее музыка громкая была, я не слышала.

При слове «галерея» внутри снова неприятно дрогнуло.

Тёмные глаза.

Хриплый голос.

«Секс — такое короткое слово...»

Соня резко оборвала мысль.

— Я думал, ты сегодня приедешь, — продолжал Лёва. — Мама пирог с рыбой испекла. И я нашёл хороший артхаус на вечер.

Пирог.

Артхаус.

Клара Абрамовна за стенкой.

И почему-то именно сейчас всё это вдруг показалось Соне unbearably правильным.

Слишком правильным.

Она даже ущипнула себя за ладонь, пытаясь вернуться в привычную реальность.

— Ты чего молчишь?

— Да нет, всё хорошо, — быстро сказала она. — Просто голова разболелась. Я домой поехала.

— Может, лекарства привезти?

— Нет-нет, не надо. Я уже выпила таблетку.

— Тогда давай завтра в ресторан сходим?

— В ресторан? — удивилась Соня. — Прямо в настоящий?

— Ну да, — засмеялся Лёва. — Я получил аванс. Могу я позволить себе сводить свою девушку в один из лучших ресторанов города?

Соня улыбнулась.

Сто лет она нигде не была — кроме студенческих кафешек и Старбакса, куда иногда забегала между встречами с заказчиками.

Обычно по ресторанам и клубам ходила Нелька, безуспешно пытаясь вытащить туда и Соню, но у той находилась тысяча причин, чтобы отказаться.

То надеть нечего.

То незачем.

Ей вообще нравилось проводить вечера дома — за ноутбуком, книгой или фильмом под пледом вместе с Лёвой.

— С удовольствием пойду, — сказала Соня. — У меня даже платье новое есть.

Утром её разбудил звонок Нельки.

Подруга тараторила без остановки, зачитывая восторженные отзывы о выставке, пока Соня успела умыться, почистить зубы и поставить кофе в турке.

— Кстати, ты куда вчера исчезла? — наконец вспомнила Нелька.

— Голова — всему жопа, — философски ответила Соня. — Так разболелась. Думала умру на месте, а найти тебя в толпе посетителей такого громкого ивента было нереально. Столько извращенцев набежало, жуть...

— Та-а-ак... — подозрительно протянула подруга. — А теперь нормально рассказывай. Кто приставал?

Соня закатила глаза.

— Ну... был один странный тип. Видимо, слишком впечатлился темой выставки и решил расписать мне перспективы жёсткого секса с ним.

— Да ладно?! А ты?

— Я сказала, что не располагаю ресурсами для воплощения его фантазий, выбросила визитку и ушла.

— Как выглядел?

Соня поморщилась.

Вспоминать его лишний раз совершенно не хотелось.

Тем более, что Соня собиралась поесть.

— Мерзкий, если одним словом. С запредельной степенью пижонства. Пальцы в кольцах, кисти в татуировках, весь в чёрном... и сам весь какой-то тёмный. Щетина ещё эта. И глаза — как у чёрта.

В трубке повисла тишина.

— Нель? Ты там жива?

— Подожди... думаю.

— Ну окей...

— Соня, по-моему, ты вчера познакомилась с Моронским.

— И что? Это должно меня напугать?

Нелька заговорила тише.

— Он единственный из вчерашних посетителей выставки, кто подходит под этот скупой словесный портрет. И он как раз вчера там был, это точно, я видела его. — Последние слова она произнесла почти шёпотом. — Этот Макс Моронский владеет сетью ресторанов по всей стране. И клубом «Порок».

Слово «Порок» она произнесла таким тоном, будто за эту информацию попадают в ад.

— И?

— Господи, Софи, ты вообще ничего не понимаешь? Это самый закрытый клуб в городе. Туда просто так не попадают. Членские карты стоят каких-то безумных денег. У меня одна знакомая три месяца жрала морковку, чтобы накопить на один вечер там.

— Ну и дура.

— Может и дура, — быстро согласилась Нелька, — только после этого вечера она как будто сектанткой стала. Я её пытала — молчит. Только глаза стеклянные делаются, когда про «Порок» спрашивают.

Соня хмыкнула.

— Не драматизируй. Не младенцев же там едят.

— Знаешь, как его называют?

— Даже не представляю.

— ММА. Моронский Максим Андреевич. Его так называют, потому что он в вопросах личного характера и делового не гнушается использовать запрещённые приёмы. Ну типа за которые в раньше на дуэли вызывали. Или вообще — казнили! Встряла ты, подруга.

Вот тут Соне стало не по себе.

Потому что пару таких приёмов она вчера уже почувствовала на собственной шкуре.

— По-моему, ты сгущаешь краски, — сказала она. — Встрячь — это кредиты набрать или работу потерять. А не познакомиться с каким-то самовлюблённым ресторатором. Какой-то там «Макс МММ» — это всего лишь маркетинг, типа липкой приманки для мух.

— МММ — это твой Лёня Голубков! А Моронский — опасный тип, будь осторожна. — Нелька вздохнула. — Ладно, прости. Но я знаю одну пострадавшую... Моронский как-то

неосторожно положил свой порочный глаз на неё, совратил, посадил на какую-то дрянь, та бросила мужа, благо детей нет, а потом вышвырнул её. Знакомая свихнулась. Лечилась в дурке. Сейчас где — не знаю.

— Советую вам пересмотреть круг своих знакомых, Нелли Сергеевна.

Нелька помолчала.

— Чёрная визитка с его личным номером, который никто из смертных не знает, а ты её в мусор при нём. Надо было по-тихому её выбросить, а лучше сжечь...

— Ага и пепел развеять в полнолуние. Слушай, драма-квин, ещё скажи, что это чёрная метка была! — нервно отшутилась Соня. — Ну, даже если это твой Моронский, даже если визитка была чёрная, что он мне сделает против моей воли? На дворе не средневековье!

— Самое страшное, — тихо сказала она, — что такие мужчины ничего не делают против воли.

Соня почувствовала, как неприятно сжался желудок.

— Они делают так, что ты сама начинаешь хотеть того, чего раньше боялась.

Глава 6

Моронский любил начинать рабочий день у стеклянной стены своего кабинета.

Сигарета медленно тлела между пальцами, пока он смотрел на распластанный у его ног просыпающийся город — коробки домов, трубы заводов, потоки машин и копошащихся где-то далеко внизу двуногих термитов.

Так он заряжался.

«Населением» Макс называл людей, чьими эмоциями подпитывался ежедневно.

Потребность в такой пище появилась у него ещё в юности — одновременно с первыми навыками обольщения. Со временем власть и секс стали главными причинами, ради которых он зарабатывал деньги, рисковал, блефовал и шёл напролом.

Хотя второе мог получать вообще без усилий.

Почти даром.

Но всё, что само шло в руки, перестало интересовать его ещё лет в девятнадцать.

Слишком скучно.

«Обладать — вот настоящий кайф», — думал Макс, затягиваясь.

Только что из кабинета вышел Славик.

Быков доложил, что камеры галереи подчистили, записи удалены. Но перед этим он всё же сделал копию на флешку — вдруг шефу захочется посмотреть.

Шефу захотелось.

Надо будет премировать Быка.

Запись была зернистой, чёрно-белой и отвратительного качества, но Макс пересматривал её уже минут двадцать. Некоторые моменты — по несколько раз.

Вот она отступает назад. Вот скрещивает руки на груди. Вот пытается держаться холодно.

А потом — он вспомнил дрожь, сбитое дыхание, приоткрытые губы,

слишком медленно опущенные ресницы. И даже через экран чувствовалось, как ровно и мощно течёт её энергия.

И главное — полное отсутствие заинтересованности. Ни намёка. Тщательно продуманный фантик не привлек жертву. Даже больше — Макс ей не понравился. Ни внешне. Ни по манере общения. Ни как мужчина. Именно это заводило сильнее всего. Провокации раздражали её. Она хотела сбежать, но тело реагировало иначе.

Моронский смотрел на запись и почти физически ощущал тот момент, когда внутри неё что-то вспыхнуло.

Нет, она не синий чулок. И не опытная манипуляторша — таких он вычислял быстро. Эта была настоящая.

Мысленно Макс поздравил себя с удачной находкой. Давно ему не попадались настолько живые люди.

О девчонке пока удалось узнать немного: подруга управляющей галереей, занималась оформлением выставки, зовут Софья Орлова.

Нелли Корнееву — управляющую — уже начали аккуратно пробивать через нужных людей. Тихо, чтобы не спугнуть главную цель.

— Антонина Семёновна, — нажал кнопку громкой связи Макс.

— Да, Максим Андреевич.

— Перенесите встречи с поставщиками на час раньше. На два вызовите айтишника. И сообщите в «Ришелье», что я буду к семи. Стол как обычно.

— Всё сделаю.

Моронский принципиально не брал на работу красивых женщин. Слишком много побочных эффектов. Его секретарю было за пятьдесят, и за пять лет работы она ни разу ничего не перепутала. Бизнес и секс Макс предпочитал не смешивать. Этот коктейль всегда имел неприятное послевкусие и непредсказуемые побочные эффекты. Исполнительные крокодилы из отдела кадров не пропускали ни одной соискательницы вакантных должностей, чья внешность хоть немного выделялась на фоне серого кадрового планктона. Хотя сейчас Моронский впервые пожалел о собственных правилах. Небольшая разрядка с утра явно не помешала бы.

Но он выключил видео, убрал флешку в стол и с головой ушёл в работу.

К вечеру овечка с глазами цвета виски почти перестала лезть в голову.

Почти.

Партнеров по бизнесу Моронский тоже не имел. В прямом и переносном смысле. Он вертел делами по принципу «одна голова - хорошо, а две и больше - не всегда лучше!». Тем более, когда приходится идти по головам в достижении цели, всегда лучше, если с этими головами не связывают никакие личные, родственные и даже партнёрские отношения.

Пара близких друзей, с которыми Макс поддерживал общение, вращались в сферах, далеких от интересов Моронского. Все остальные, тщательно отфильтрованные контакты были, скорее, полезны для его бизнеса, чем опасны. Он коллекционировал нужных людей. И в этом ему помогал его «Порок».

В пятницу вечером Моронский ужинал в «Ришелье» с двумя чиновниками, которых аккуратно прикармливал ради будущего доступа в закрытый клуб для избранных.

Для атмосферы он прихватил Виталика — шумного, обаятельного пластического хирурга и по совместительству старого друга.

Виталик прекрасно умел расслаблять людей. Через час коньяк сделал своё дело: чиновники разомлели, животы расслабились, разговор потёк свободнее.

Наконец Макс получил нужную информацию и впервые за вечер позволил себе нормально выдохнуть.

Он уже думал, как позже поедет в «Порок» — смотреть на привычный пятничный парад дорогих тел и пустых глаз, — когда вдруг почувствовал странный внутренний толчок.

Будто в зале изменилось давление.

Он поднял взгляд.

Метрдотель как раз провожал к столику пару: высокую девушку в красном платье и какого-то щуплого парнишку.

Лица девушки Макс пока не видел — она села спиной. Но что-то в ней мгновенно зацепило.

Осанка. Шея. Тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Идеально открытое плечо.

Моронский сам не заметил, как перестал слушать Виталика.

— Здесь так красиво... — услышал он знакомый голос.

И внутри сразу стало горячо.

Овечка.

Ну конечно.

Теперь Макс уже смотрел не скрываясь.

Спутника её он тоже быстро оценил.

Мягкий. Аккуратный. Тщательно прилизанный. Типичный сын маминой подруги. Свитер поверх рубашки в клеточку. Тонкие запястья. Взгляд человека, который слишком старается понравиться. Щеки парня, не потерявшие пока детской округлости, были гладко выбриты, либо не имели растительности в принципе. Мелкий подбородок выдавал его слабую конкурентоспособность среди прочих самцов.

Моронского он начал раздражать почти мгновенно. Особенно то, как парень осторожно держал её за руку, будто боялся сломать.

Когда девушка поднялась из-за стола и растерянно огляделась в поисках уборной, Макс понял окончательно — да, это она.

В свете ресторанных люстр её было видно гораздо лучше, чем в полумраке галереи. И выглядела она ещё красивее.

Почувствовав взгляд, девчонка обернулась. Вспыхнула мгновенно.

Макс лениво подмигнул ей и показал глазами направление.

Она слишком резко двинулась с места и едва не запнулась о ножку стула.

«Разволновалась», — довольно отметил про себя Моронский и сразу подозвал официанта.

— Отправь за тот столик бутылку просекко. Когда девушка вернётся.

— От кого?

Макс секунду подумал.

И усмехнулся.

— Скажи — от клиента.

«Посмотрим, как ты это объяснишь своему мальчику».

Оставшись один за столиком, парень вдруг полез рукой под пиджак и достал маленькую красную коробочку.

Макс даже подался вперёд.

«Ого. Так это у нас не просто ужин».

Тот открыл футляр и быстро заглянул внутрь, будто проверял, на месте ли содержимое.

Кольцо. Ну конечно. «Первый взнос по ипотеке на ячейку общества», — усмехнулся про себя Моронский.

В этот момент вернулась Соня, и Лев поспешно спрятал коробочку обратно в карман.

Почти одновременно к столику подошёл официант с бутылкой просекко.

— Простите, мы это не заказывали, — засуетился кавалер.

— Вам просили передать из вип-зоны. От клиента.

Официант ловко разлил игристое по бокалам.

Парень растерянно посмотрел на Соню, затем вытянув тонкую шею попытался заглянуть на шторку вип-зоны.

— Ты понимаешь, о ком речь?

Соня молчала. Теребила пальцами край салфетки.

Потом коротко прокашлялась и слишком быстро сказала:

— Это бывший клиент. Я делала ему проект гардеробной.

Моронский откинулся на спинку дивана, с удовольствием наблюдая за её паникой.

Врать она совершенно не умела. И это было прекрасно.

«Почему женщины всегда врут в таких ситуациях?» — лениво подумал Макс. — «Почему нельзя сказать честно: “Ко мне пристал какой-то отмороженный тип”?»

Но нет.

Она инстинктивно прикрывала своего мальчика, потому что уже понимала: тот не вывезет. Кавалер, похоже, тоже предпочёл сделать вид, что поверил. Из тех людей, которым комфортнее жить внутри красивой версии происходящего.

К тому моменту за их столик принесли еду. Мальчишка сосредоточенно ел свой грибной суп. Соня же почти не притронулась к рыбе. Она была слишком напряжена, чтобы заметить, как её спутник снова достал коробочку и незаметно уронил кольцо в бокал с просекко.

В ресторане как по заказу заиграла живая музыка — сегодня выступала чернокожая певица с густым хриплым блюзовым голосом.

— Давай выпьем за тебя, — улыбнулся спутник Сони. — Нам сегодня явно везёт.

Он поднял бокал и подмигнул.

И в этот момент у Моронского закончилось терпение.

Это дешёвое кольцо.

Это просекко.

Эта девочка в красном платье.

И этот мальчик, который сейчас полезет делать предложение.

Нет.

Это почему-то оказалось выше его моральных сил.

Макс резко поднялся из-за стола, заставив вздрогнуть захмелевших гостей.

— Прошу прощения, господа, — бросил он чиновникам.

И через несколько секунд уже стоял рядом с Соней.

— Я украду вашу даму на танец.

Это прозвучало не как просьба.

Он взял её под локоть и поднял из-за стола раньше, чем она успела возразить.

— Отпустите... — зашипела Соня, пытаясь вырваться.

— Не дёргайся, — тихо сказал он ей на ухо. — Я сейчас спасаю тебя от самой большой ошибки в жизни.

— Простите, что вы себе позволяете? — раздался за спиной голос парня.

Моронский остановился. Но руку не убрал. Наоборот — сжал локоть крепче.

— Я позволяю себе то, что тебе даже не снилось.

— Лев, пожалуйста... — быстро сказала Соня.

— Лев? — Макс даже рассмеялся. — Серьёзно? Его реально зовут Лев?

Он специально растянул «ф» в конце:

— Лефф...

И покачал головой.

— Парень, тебя жестоко наебали при рождении.

Но охрана уже ненавязчиво оттеснила Льва назад, когда Макс притянул девушку ближе. Слишком близко. Тыльной стороной пальцев медленно провёл по её плечу. Кожа её тут же покрылась мурашками.

И это понравилось ему куда сильнее, чем должно было.

— Что, в обезьяннике сегодня день открытых дверей? — процедила Соня.

«О, а вот это уже интересно», — усмехнулся про себя Макс.

Бойтся. Но огрызается.

— Кто вообще танцует в ресторанах в двадцать первом веке?

— Во-первых, мы не танцуем, — тихо ответил он. — А во-вторых...

Он наклонился ближе.

Слишком близко.

— Чем меньше ты сейчас дёргаешься, тем меньше внимания привлекаешь.

Она мгновенно замерла.

Правильно поняла.

— А ты, значит, здесь главный? — прошипела Соня. — Вожак стаи?

— Ну, не Лефф, конечно, — усмехнулся Макс. — Но определенное влияние имею.

И прежде чем она успела отстраниться, скользнул губами по её шее. Не поцелуй. Скорее медленная проба.

Он почувствовал, как внутри неё снова прошла короткая дрожь. И это ударило в голову почти как алкоголь.

Очень опасно.

Очень.

— Не понимаю, зачем ты так упорно убегаешь от того, что всё равно случится, — хрипло сказал он.

— Такая самоуверенность вообще лечится?

— Для девушки с таким острым языком у тебя слишком честное тело.

Она резко упёрлась ладонями ему в грудь.

— Отпусти.

— Нет. Хочу понять, насколько я прав.

Его ладонь скользнула ниже по её спине на пути к ягодице.

Соня дёрнулась.

— Придурок! Лев идёт!

Моронский поднял взгляд.

Да.

Лев действительно шёл к ним. Медленно и неуверенно. Сжав кулаки так, будто сам не понимал, что собирается делать.

— Отпусти её, — тихо сказал он. — Пожалуйста. Мы уходим.

И вот тут Макс окончательно понял: этот парень уже проиграл. Потому что мужчина, который просит в такой ситуации, — не соперник.

— А если не отпущу? — лениво спросил Моронский. — Маме пожалуешься?

— Я вызову полицию.

«И это все? Все, на что он способен? Где злость? Где ярость? Алё, твою без пяти минут невесту лапает какой-то хер! А ты стоишь, шею вжал, пузыри ноздрей пускаешь?»

Макс рассмеялся и резко убрал руки, отчего Соня, потеряв равновесие, чуть не упала, но он тут же поймал её за запястье.

Она подняла на него янтарные глаза в которых стояло по озеру слез, моргнула и две крупные капли скатились по бледному лицу.

Вот этого он не ожидал.

Он что, реально сделал ей больно?

Слишком сильно сжал руку? Перегнул? Пересолил блюдо?

Хватка на её запястье мгновенно ослабла.

— Сорян, Лефф, — усмехнулся он уже заметно тише. — Я её всего пару раз потрогал, а она вспыхнула вся. Отзывчивая девочка. Что делать-то будешь? Может, продашь мне её?

Ноль реакции.

Соня стояла пунцовая под цвет платья, сжав губы так, будто ещё слово — и её просто разорвёт от унижения.

А Лев... Лев только осторожно положил руку ей на талию и повёл прочь.

И почему-то именно это раздражало Макса сильнее всего.

Он смотрел им вслед, пока они возвращались к столику, где уже лежала книжка со счётом.

— Извините, — тихо проговорил Лев официанту, — но это вино мы оплачивать не будем. Мы его не заказывали.

— Желаете пригласить менеджера? — вежливо уточнил официант.

— Не надо менеджера, — быстро сказала Соня.

Голос предательски дрогнул. Похоже, она изо всех сил держалась.

— Я...

— Не надо менеджера, — повторил Моронский.

Он подошёл к столику, вытаскивая бумажник из заднего кармана.

— Я оплачу.

И, глядя Соне прямо в глаза, добавил:

— За одно свидание. Всего одно.

Она медленно выпрямилась.

Взгляд стал холоднее и слезы мгновенно высохли.

— Я не продаюсь за еду и выпивку. — произнесла она тихо, чётко, отделяя каждое слово.

Достав из сумочки деньги, Соня бросила наличные на стол.

— Сдачи не надо.

Макс смотрел на неё с каким-то почти болезненным интересом.

— Тогда назови свою цену, — негромко сказал он ей вслед. — Любую.

Она уже шла к выходу.

— Просто исчезни из моей жизни. — Сказала даже не обернувшись.

— Тогда подари, — усмехнулся Макс.

И в следующую секунду Соня, не сбавляя шага, вскинула вверх руку с идеально понятным жестом.

Моронский коротко рассмеялся.

Даже чиновники за столом обернулись, кто-то из них даже присвистнул.

— С камерами знаешь, что делать? — бросил он охране.

— Так точно.

— И телефоны проверьте. Чтобы никаких видео.

Через минуту перед ним уже стоял управляющий рестораном — бледный, напряжённый, с услужливо склонённой головой.

— Весь персонал сегодняшней смены рассчитать, — спокойно сказал Макс, медленно прокручивая перстень на пальце.

— П-принято... Ещё будут указания?

— Пока нет.

Управляющий развернулся и уже почти ушёл, когда Моронский снова его окликнул:

— Постой.

На входе в зал появилась знакомая фигура в клетчатой рубашке и свитере.

Лефф вернулся.

Мелкими шагами он подошёл к ещё не убранному столику, быстро огляделся по сторонам и сунул пальцы в бокал с просекко.

Через секунду в его ладони блеснуло кольцо.

— Плохое кольцо, — лениво произнёс Моронский из-за шторы вип-кабинета. — Никогда никому его не дари. И верни в магазин. Чек ведь сохранил?

Лев вздрогнул.

Но ничего не ответил. Только быстро убрал кольцо в карман и поспешил к выходу.

Макс проводил его взглядом и снова повернулся к управляющему.

— Уволенным выплатить тройной оклад, отпускные и рекомендации. Певичке — двойной тариф. И чтобы больше её здесь не было.

— Будет сделано.

Когда управляющий исчез, Моронский наконец вернулся к столику с чиновниками.

И слишком весело спросил:

— Ну что, господа... в клуб к девочкам?

Глава 7

— Уволил, прикинь! Всех до единого, кто работал в тот вечер. У-во-лил. — девушка-бармен пыталась перекричать музыку, одновременно смешивая для Сони два безалкогольных мохито.

— Охренеееееть... — протянула её знакомая, округлив глаза.

— Самодур, — резюмировала барменша и толкнула к Соне высокие бокалы с мятной жидкостью и дольками лайма. — Ваш мохито!

Софи забрала напитки и пошла искать Нельку.

С великим трудом и потеряв пару миллионов нервных клеток, Соня всё-таки позволила подруге вытащить себя из дома в эту субботу. И не куда-нибудь, а в «Стекло». Правда, предварительно заставила Нельку поклясться самым дорогим, что у неё есть — первыми и пока единственными туфлями от Маноло Бланик, — что Моронский здесь не появляется.

— Я тебе клянусь, — горячо заверяла Нелька, хлопая ладонью по груди, — делать ему тут нечего среди плебеев вроде нас. И потом, как он узнает, что именно сегодня ты сюда прирёшься? Ну не следит же он за тобой!

Логично.

И потом — не пропадать же халявным пригласительным, которые каким-то чудом свалились на Корнееву.

Хотя сама Соня, конечно, предпочла бы до конца жизни пролежать под одеялом у себя дома. И никогда больше не встречать ни Моронского, ни Лёву, который после ресторана вдруг решил назначить виноватой именно её. И вообще — ни одного мужика больше не видеть. Игнорировать как биологический вид.

Клуб «Стекло» считался одним из самых дорогих и пафосных мест города. Интерьер полностью оправдывал название: стекло, зеркала, хрусталь, хром, серебро, чёрный мрамор с белыми прожилками. Всё переливалось, дробилось, отражалось, будто посетителей засунули внутрь гигантского стеклянного калейдоскопа.

А тот, кто придумал разделить лаунж-зоны прозрачными звукопоглощающими беседками в форме кристаллов, явно был человеком с фантазией. Музыка внутри этих «стекляшек» становилась приглушённое, и можно было разговаривать, не надрывая связки.

Им повезло — успели занять последнюю.

Девчонки устроились на диване, пригубили коктейли, съели по роллу. Соня даже немного расслабилась и только тогда заметила, что обычно не затыкающаяся Нелька уже минут пятнадцать сидит подозрительно тихо.

— Чего задумалась? — спросила Соня.

— Тебе честно или соврать? — Неля отпила мохито.

— Если ты мне подруга — давай честно.

— Не могу понять, завидую я тебе или сочувствую.

— Приехали... — Соня даже растерялась. — Теперь я не знаю, как реагировать. Сочувствия не хочу, а завидовать тут нечему. Я бы такого и врагу не пожелала.

— Так-то да... — Нелька развернулась к ней всем корпусом. — Просто я тут подумала: вот проживёшь ты всю жизнь с каким-нибудь Левушкой — и вспомнить будет нечего. А короткий роман с таким мужиком, как Моронский, — это как увидеть Париж и умереть.

При упоминании Моронского Соню будто ошпарило кипятком.

И за Лёву снова стало обидно.

— Ну, допустим, умирать я не хочу. Да и Париж сейчас, говорят, сильно переоценён. А Лёву ты просто плохо знаешь. Он мягкий. Совершенно неконфликтный человек.

— Ой, ладно! — раздражённо махнула рукой Нелька. — «Он просто очень мягкий и неконфликтный человек», — пискляво передразнила она. — Тебя грязно облапали на глазах

этого мягкого человечка, а он потом ещё неделю ходит надутый, будто это ты виновата и повод дала. «Ах, Соня, мне нужно подумать...»

Нелька прищурилась.

— А ты сама неделю как моль бледная. Вон круги под глазами какие залегли. Ты бы хоть консилером замазала.

Соня машинально достала зеркальце.

— Ничего не залегли, — буркнула она. — Просто работы много. С проектами сидела допоздна.

— Ага. Называй это как хочешь, но Моронский тебе очень наглядно показал, ху есть ху. И отрицать это ты не можешь.

Соня молчала.

— Мужик, — продолжила Нелька назидательно, — должен уметь постоять за свою женщину. Не боясь получить в морду и испортить причёску.

— А что он должен был сделать? — вспыхнула Соня. — На дуэль его вызвать? У Моронского везде эти два шкафа ходят. И не ты ли меня пугала байками про свихнувшихся поклонниц этого ММА? А теперь сама на тёмную сторону переметнулась?

— Я от своих слов не отказываюсь, — Неля тяжело вздохнула. — И ещё сто раз повторю: будь осторожна. Только ты так долго бегать от него не сможешь. Выдохнешься.

— И что ты предлагаешь?

— Ой, не знааааю... — протянула Нелька. — Боюсь, я плохой эксперт. У самой в личной жизни бардак. Но с Лёвой тебе точно пора заканчивать.

— Я вообще-то спрашивала про Моронского.

— А я тебе отвечаю про Голубкова.

— Голубкина, — автоматически поправила Соня.

— Господи, Орлова, да какая разница! Ты на себя со стороны смотрела? Видела вообще, как вы вместе выглядите? Ты знаешь, как вас в институте называли?

— Нет. И знать не хочу.

— Красавица и жап.

— Что?

— Жап — это паж наоборот. И поверь, это было ещё самое приличное прозвище для твоего Лёвы.

Соня закатила глаза.

— У нас весь курс недоумевал, что ты в нём нашла. А теперь я вообще уверена: ты просто недолюбленная папой девочка, которой мама внушила, что все мужики козлы. Все козлы, а один Лёвушка — хороший мальчик.

Соня фыркнула, но возразить толком не смогла.

— И не спорь, раз уж я начала — договорю! Он же первый, кто стал открыто за тобой ухаживать. А сколько нормальных парней просто боялись к тебе подойти! Потому что ты красивая, Орлова. Очень. А твой Лёва всю жизнь жил с ощущением, что он самый-самый. Мамочка внушила.

Нелька придвинулась ближе и вдруг заговорщицки понизила голос:

— Вот скажи честно... а как у вас с сексом?

— Нормально у нас с сексом!

— Нормально — это как? Куни он тебе хоть раз делал?

— Корнеева!

— Что? Ты ж взрослая девочка. Или после выставки всё ещё в культурном шоке?

Соня нервно поднялась.

— Я знаю, что такое кунилингус.

— Вот! — Нелька подняла палец. — Поэтому я и не знаю, что тебе советовать насчёт Моронского. С одной стороны — хоть потрахнешься нормально. А с другой... есть риск влюбиться. И тогда всё. Конец. До конца жизни себя по кускам собирать будешь.

— Да иди ты со своим Моронским!

Соня шагнула к выходу из стекляшки.

— Ага, я бы пошла. Только кому я нужна со своими метр пятьюдесятью и минус первым размером сисек?

— Ну Нееель... — Соня не выдержала, вернулась и обняла подругу за плечи. — У тебя нормальный рост. И нормальная грудь.

— Зато я могу жрать всё подряд и не толстеть. Это моя суперсила, — буркнула Нелька, засовывая в рот ролл. — Иди танцуй, я догоню. Мне рядом с тобой ходить стыдно.

— Это ещё почему?

Уже выходя из стекляшки, Соня услышала:

— Знаешь, как нас с тобой называли в институте?

Она покачала головой.

— Штепсель и Тарапунька!

На рабочем столе в кабинете Макса лежала тонкая чёрная папка. Досье на овечку.

Лежало уже неделю и было пролистано раз двадцать.

Орлова Софья Павловна. Двадцать четыре года. Не замужем. Детей нет. Восемь лет занималась современными танцами — уже интересно. Архитектурный. Фрилансит, делает проекты интерьеров. Живёт с матерью. Проблем с законом не имела. Медкарта — хоть в космос запускай.

И в отношениях со Львом Арнольдовичем Голубкиным.

— Он ещё и Арнольдович, сука... — пробормотал Макс.

Моронский принципиально не связывался с девственницами. Предпочитал опытных, раскованных женщин. Некоторые даже умудрялись удивлять его в постели.

Но странное дело — думая о Софье Орловой, он вдруг жалел, что первым уже не будет.

И это чувство ему не понравилось.

Нет, сомнений в том, что он её трахнет, у Макса не было. Но мысль о том, что кто-то уже трогал его девочку, неприятно скребла внутри.

При этом вела она себя как самая настоящая невинная дурочка. Вспыхивала. Терялась. Дрожала. Будто никогда раньше не хотела мужчину так сильно.

И именно это заводило больше всего.

Сначала Макс был уверен, что она обычная ломака. Такие попадались. Делают вид, что недоступные, чтобы цену набить. Обычно у них наживки на виду: поддутые губы, скулы, грудь от лучших хирургов... Ну, ладно, допустим, ей и не надо, ей природа щедро отсыпала. Но он был уверен, что и в Сонином случае это кокетливая тактика такая - фыркать, нос задирать, убегать. Попробуй, догони.

Но потом он увидел её слёзы в ресторане.

И понял: нет. Она плакала не из-за того, что он вёл себя как скотина. Ей было жалко своего Лефа.

Вот это и добило.

Редкая птица — эта Орлова. Поэтому должна стать его.

Хотя бы на время: на ночь, а день, на неделю. Ну, может, на две.

Но сейчас она ненавидела Моронского, а ее ярый отпор только раззадорил. Так раззадорил, что пришлось установить наружку за Орловой. Которая, к слову, толком ничего не дала — девчонка из дома почти не выходила неделю.

В офисе поздним субботним вечером, кроме Макса, находилась охрана, водители и сотрудник службы безопасности, который только что вошёл в кабинет.

— Максим Андреевич, — начал Николай, невзрачный, невысокий, но крепкий мужчина, — по объекту доклад разрешите?

— Разрешаю, Николай, и давай как-то проще что-ли, мы же не в министерстве обороны... Николай откашлялся.

— В общем, сработали билетики. Объект в «Стекле». Полчаса назад прибыл.

«Объект. Прибыл». Как бы по-дурацки это не звучало, а суть одна — девочка попалась.

Автомобиль притормозил у служебного входа в клуб. За стенами здания глухо бумкала музыка. Макс зашёл, поднялся несколько пролетов по металлической лестнице. Затем попетлял бесконечными узкими коридорами, вдоль технических и подсобных помещений, распугивая темноту здания датчиками движения. Наконец, снова пикнув картой, толкнул ещё одну тяжёлую дверь и оказался прямиком на втором этаже клуба «Стекло». Он бывал здесь редко, предпочитая «Порок».

Но сегодня у него здесь было randevu...

С балкончиков вип-лож хорошо просматривался весь первый этаж заведения. Там внизу, под самые топовые клубные треки, в разноцветных лучах колыхалось поле человеческого ресурса.

Найти в толпе Соню было нереально. И все-таки он ее нашёл. Смотрел на неё. Как она танцует. Ловил взглядом каждое её движение и ненавидел эту музыку, за то, что сейчас девушка полностью отдавалась ей, а не ему.

Соня вышла из кабинки непривычно пустого для ночного клуба туалета, подошла к раковине, открыла воду и стала мыть руки.

Вдруг слева скрипнула дверь.

Кто-то вошёл, плотно закрыл её за собой и щёлкнул замком.

— Я тут вспомнил, что так и не представился. А это невежливо после всего, что между нами было, — знакомый голос отразился от холодного мрамора, и у Сони сердце мгновенно подпрыгнуло к горлу. — Меня Максимом зовут. Но ты можешь звать Максом.

— Это женский туалет, — быстро сказала Соня, проигнорировав всё остальное.

— Это мой клуб.

Он двинулся к ней медленно, почти лениво. Походкой хищника, который уже загнал добычу в угол и теперь просто наслаждается процессом.

На губах усмешка. В глазах — жёсткий блеск.

— А, да... Это, конечно, всё меняет, — начала отступать Соня.

Пульс отбивал чечётку. Ладони похолодели. Тело бросило в жар.

Какого чёрта она вообще послушала Нельку и приехала сюда?

Отступать стало некуда.

Спиной Соня почувствовала холод мраморной стены и ещё сильнее вжалась в неё, когда Моронский подошёл вплотную и упёр ладони по обе стороны от её головы.

Захотелось сжаться до размера атома.

«Мама дорогая...»

Соня зажмурилась раньше, чем успела понять, насколько глупо это выглядит.

— И как же тебя твой зверюга прямо ко мне в логово отпустил? — хрипло спросил Моронский, чуть склонив голову набок. — Или он не в курсе?

— У нас доверительные отношения, — пискнула Соня и сама не поняла, зачем это сказала.

— Причём здесь отношения? — он наклонил голову в другую сторону, не разрывая зрительного контакта. — После того как при нём его девушку чуть не трахнул какой-то хер, он глаз с тебя спускать не должен был. Или он куколд у тебя?

— Кто? — голос предательски сел.

— Не знаешь? Ну да... Это такой мужик, которому по кайфу, когда его женщину на его глазах имеет кто-то... другой.

Последнее слово он выдохнул ей почти в ухо.

По спине Сони табуном пронеслись мурашки. Она непроизвольно дёрнула плечами, будто от холода, хотя ей было жарко.

Смысл сказанного дошёл не сразу.

А когда дошёл — Соня задохнулась от возмущения, и рука сама взметнулась к его лицу. Моронский даже не моргнул.

Только в следующую секунду её запястье обожгло болью — так резко он перехватил руку.

— Ещё раз попробуешь так сделать...

— Что?! Что будет? Убьёшь меня? Пусти, мне больно! — Соня попыталась вырваться.

— У меня на тебя другие планы, девочка, — он ослабил хватку, но руки не отпустил. — И вообще, это должен был сделать твой ЛеФ неделю назад, а не ты.

Макс поднёс её ладонь к губам и поцеловал.

Очень нежно.

Так нежно, что Соню едва не накрыло.

Она шумно сглотнула, ненавидя собственное тело за эти предательские реакции. Он ведь всё считывал. Всё замечал.

Можно сколько угодно изображать ледяную королеву, но тело... Тело выдавало её с головой.

— Хорошо, наверное, быть смелым, когда за тобой везде ходят два амбала? — попыталась съязвить Соня, но голос звучал слишком слабо.

— Ты про охрану? — губы его дрогнули в усмешке. — Так они бы его и пальцем не тронули. Даже если бы он мне в морду дал. Я маленьких не бью. И они тоже. А я ждал, что он хотя бы попробует женщину свою из лап мудака вырвать.

Соне снова стало горько за Лёву.

— Что тебе вообще нужно от меня? — процедила она. — Чего ты хочешь? В стране закончились доступные женщины без моральных принципов?

Пусть уйдёт. Пусть оставит её в покое. Пусть всё станет как раньше.

Потому что признаться себе в том, что она чувствует это ужасное, неправильное, влажное нечто — было невыносимо.

— Чего хочешь? По-моему, это очевидно.

Он плотнее прижал её к себе, и Соня отчётливо почувствовала твёрдую тяжесть внизу живота.

— Тебя, — выдохнул он ей прямо в губы.

Поцелуй оказался совсем не таким, как с Лёвой.

Не мокрым. Не осторожным. Не «правильным».

Горячим. То резким, почти грубым, то неожиданно медленным и мягким. Его губы то терзали, то ласкали, вытягивая из неё сопротивление по капле.

Ноги у Сони стали ватными. Руки перестали его отталкивать.

Никто никогда не целовал её ТАК. По телу будто пробегали электрические разряды везде, где они соприкасались.

Неужели он правда посмеет? Здесь? В туалете?

Но кого она обманывала? Её тянуло к нему ещё тогда, в галерее. Просто она не знала, что так бывает. Не знала, что внизу живота может так гореть и скручивать. Что между ног может быть одновременно горячо и невыносимо, до боли пусто.

Никто не предупреждал её, что такое вообще возможно — хотеть совершенно незнакомого мужчину.

Хама.

Подонка.

Человека, которого разум должен ненавидеть.

— А что потом?.. — едва слышно спросила Соня, когда он всё-таки оторвался от её губ.

— Потом? — Макс чуть отстранился, заглядывая ей в глаза. Большим пальцем медленно провёл по её нижней губе. — Не знаю. Хочешь, пиццу закажем?

— А если я не хочу?

— Ну, не хочешь пиццу — закажем что-нибудь другое.

«Господи, это невозможно...»

Соня простонала и закрыла глаза.

Он подавлял её. Туманил голову. Ломал логику. Нормальная девушка сейчас уже визжала бы, царапалась, била каблуком по его ботинкам. А Соня стояла и не могла понять, какой инстинкт сейчас сильнее — самосохранения или размножения.

Разум попытался выдать правильный алгоритм действий... И завис.

— А если я тебя не хочу? — наконец выдавила она.

Моронский тихо хохотнул.

— Да как же не хочешь? Жаль, ты себя со стороны не видишь. Мне даже под юбку тебе лезть не нужно, чтобы знать, какая ты там... мокрая.

— Это тело. Голова не хочет, — Соня отвернулась.

— Нет, без головы никак, — прошептал он ей в висок. — Я тебя целиком хочу, Софья Орлова.

И вдруг резко отстранился.

Повернулся к зеркалу, провёл руками по волосам, поправил рукава рубашки.

Потом снова посмотрел на неё.

— Поэтому подожду ещё немного. Я терпеливый.

На ходу прикуривая сигарету, он направился к выходу.

Соня так и осталась стоять, буквально размазанная по стене.

— Проходите, проходите, — картинно поклонился Моронский девушкам, собравшимся в очереди у туалета. — Извините, что заставили ждать. Мы тут немного пошалили.

Он недвусмысленно поправил ширинку, подмигнул Соне и исчез за дверью.

Засранец.

Соня обессиленно опёрлась ладонями на мраморную столешницу раковин.

В отражении зеркала она увидела, как две из вошедших девушек прыснули от смеха, а остальные посмотрели на неё так, будто застали за чем-то неприличным.

Соня быстро поправила волосы, одёрнула юбку, ворот рубашки и, выпрямив спину, направилась к выходу.

На танцполе зажигала Нелька.

— Ну ты где опять пропадаешь? — перекрикивая музыку, спросила подруга.

— Очередь в туалет была, — соврала Соня.

Вот уже минут пятнадцать Макс наблюдал за танцующей Соней, сидя за барной стойкой, педя Джек Дениэлс. И если б мог сожрать ее глазами, уже б сожрал.

На ней была короткая юбка в тёмно-зелёных пайетках, переливавшихся почти в чёрный, и простая белая рубашка. Скромнее всех вокруг — и при этом невозможно глаз оторвать.

Рядом с ним за баром сидел большой, как медведь, рыжий мужик с бородой-лопатой, в рубашке в крупную клетку. Он так же, как и Моронский, смотрел на танцпол. Все внимание, на которое был способен клетчатый, было сконцентрировано на одной конкретной фигуре. На Сониной.

Максу это сразу не понравилось.

— Зачётная тёлка, бро, — сказал он бородачу.

— Ага... — пьяно икнул тот.

— Мне кажется, ты ей тоже понравишься.

Макс дружески хлопнул его по плечу.

— А почему бы и нет... — пробормотал рыжий и полез с барного стула.

Сделав последний крупный глоток, нетвёрдой походкой водолаза, умудряясь пританцовывать, двинулся в сторону танцпола.

Моронский с интересом наблюдал, как туша, пританцовывая, и как будто разгребая руками пространство перед собой, приближается к Соне.

Подойдя достаточно близко, рыжий вытянул руки вперёд, пытаясь сграбастать её в объятия страстного танго. Пьяная скотина не удержала равновесие и на очередном танцевальном «па» чуть не завалилась на Соню всем весом.

Этого хватило.

Макс поднялся.

В два огромных шага пересёк расстояние до Сони, схватил рыжего за шкурку и с силой развернул к себе мордой.

— Ты, чего бро... — только успел булькнуть рыжий, как Макс одним резким и сильным ударом в челюсть свалил тушу на пол.

Кто-то взвизгнул. Толпа мигом рассосалась в стороны.

Мужик непонимающе хлопал глазами, зажимая окровавленный нос. Неуклюже валандаясь по полу на спине, словно огромный жук, безуспешно пытался встать на ноги, перебирая в воздухе лапами.

Моронский встряхнул кистью, несколько раз сжал и разжал кулак, заметил ссадину на костяшках. «Сука, на зуб напоролся, что ли?» Потом сделал в темноту зала знак, чтобы прибрали барахло и пошёл прочь с танцпола. На Соню даже не взглянул.

Соня стояла посреди танцпола, комкая в кулаке ворот рубашки, словно хотела удержать им рвавшееся из груди сердце. Объяснить, почему у неё при этом тряслись руки она не могла.

Ну, врезал один самец другому по морде. Что с того? Они ей никто. Оба. Инцидент не стоил потраченного на его анализ времени. И все же...

Испугалась она почему-то не за бородатого идиота.

— Я сейчас, — бросила Соня Нельке.

В туалете умылась холодной водой. Долго смотрела на своё отражение.

Потом достала блеск для губ.

Нанесла. И тут же стёрла салфеткой.

Потому что прекрасно понимала: делает какую-то чудовищную глупость.

Почему-то прямо сейчас захотелось ещё раз его увидеть. Просто заглянуть в глаза. Проверить, есть ли там хоть что-то человеческое, земное, настоящее.

Музыка действовала как наркотик.

Соня двигалась в такт, пробираясь сквозь снующих официантов и танцующих в проходах между вип-ложами девушек в откровенных нарядах. Народная масса уже не совсем вменяемых людей дышала, вздымалась, сверкала, таяла в сизом дыму и выплывала прямо на Соню снова. А она шла вперёд, вопреки доводам разума. Вроде трезвая. Но совершенно пьяная.

Макс был в последнем привате. Она разглядела его сквозь занавесь из хрустальных нитей. И застыла.

Перед развалившимся на диване Моронским на коленях стояла девушка в крошечном платье.

Её голова ритмично двигалась у него между ног.

«Нормально дядя отдыхает...» — ошарашенно выдал внутренний голос.

«Беги, дура!» — заорал второй.

Но Соня продолжала стоять.

Как прибитая.

Макс полулежал на диване, запрокинув голову. Одной рукой держал девушку за волосы, задавая ритм происходящему с ленивой уверенностью человека, привыкшего получать всё, что хочет.

И только через секунду Соня поняла главное.

Он смотрел на неё.

Смотрел — и улыбался.

Пошло.

Порочно.

Откровенно.

У Сони внутри всё оборвалось.

Она резко развернулась и почти бросилась прочь, врезаясь в людей и цепляясь каблуком за ступеньки.

«Идиотка. Чего ты ждала? Что хотела увидеть?»

Музыка била по вискам.

Толпа качалась вокруг.

«Бежать. Из клуба. Из города. С планеты.»

— Я хочу домой, — сказала она Нельке, добравшись наконец до бара.

Глава 8

Провалилась в сон Соня уже под утро.

Небо за окном успело посветлеть, прежде чем она перестала ворочаться по постели и наконец отключилась.

Снился Моронский, развалившийся на диване в вип-ложе «Стекла».

Только теперь девушка сидела сверху на нём и двигалась в такт музыке, медленно покачивая бёдрами. Соня как замороженная не могла отвести взгляд от происходящего. Волосы девушки рассыпались по обнажённым плечам и спине, голова была запрокинута назад. Руки то взмывали вверх, то скользили вдоль собственного тела, лаская грудь, живот, бёдра.

Моронский держал её за талию, направлял движения и смотрел снизу вверх, хищно скалясь.

Музыка вдруг стала вязкой, тягучей. Всё замедлилось, будто кто-то резко убавил скорость смены кадров. И только тогда Соня поняла, что девушка сверху — это она сама. Она закричала и резко села на кровати.

Крик ещё звенел в ушах, когда Соня поняла, что это не эхо сна.

Это дверной звонок. Довольно настойчивый.

Как была — босая, в длинной растянутой футболке — Соня выскочила в коридор, плохо понимая, который сейчас час. И вообще — какой день.

Из комнаты одновременно вышла мама, запахивая халат.

— Кого принесло в такую рань?

— Орлова Софья Павловна? — раздалось за дверью.

— Да...

— Вам доставка.

Соня заглянула в глазок и приоткрыла дверь, не снимая цепочку.

На площадке стоял курьер.

А рядом...

Коробка почти с её ростом.

Перевязанная широкой красной лентой.

— Распишитесь вот здесь. И позвольте коробочку занести.

— Что это? — ошарашенно спросила Соня. — Холодильник?

Парень пожал плечами:

— Без понятия.

Соня машинально расписалась.

Курьер втащил коробку в прихожую и ушёл.

Она дёрнула за ленту и стенки коробки распались в стороны.

— Соня... — ахнула мама. — Это что?

— Не видишь, что ли? Розы.

Внутри оказался огромный букет.

Такой, что занял половину их маленькой прихожей.

Длинные ровные стебли. Тёмно-бордовые, почти чёрные лепестки. Идеальные бутоны — будто клонированные, на которых поблёскивали капли влаги.

Сверху торчал конверт.

Соня вытащила карточку.

«Здесь ровно сто одно моё “прости” за то, что было в клубе».

Она перевернула её.

«Ты не должна была этого видеть».

— Придурок... — прошептала Соня и швырнула карточку на трюмо.

Ладони сами прижались к пылающим щекам.

— Соня, это от кого такие цветы? — мама смотрела на букет почти с ужасом. — Они вообще настоящие?

— Настоящие, мам. С чего ты взяла, что это не от Лёвы?

Вера Александровна помолчала.

— Тот, кто дарит такие букеты, — страшный человек.

— Почему это?

— Потому что я боюсь представить, на что способен мужчина, который дарит розы сразу в вазе.

Только сейчас Соня заметила высокий цилиндр из тёмного матового стекла.

И правда.

Без него этот монстр-букет просто некуда было бы ставить. Даже ведра такого размера дома не нашлось бы.

«Прошаренный гад...»

— Доченька, — тихо сказала мама, — скажи честно... что у вас с Лёвой случилось? И от кого всё-таки цветы?

Соня тяжело вздохнула.

Последнюю неделю она и правда была сама не своя. Вздрагивала от каждого звонка, плохо спала, почти не ела.

И самое страшное — не могла перестать думать о нём.

— Давай сначала эту клумбу в комнату затащим, — пробормотала Соня. — А потом кофе попьем. И я попробую объяснить.

— Да туда же ставьте, где у нас ёлка на Новый год стоит, — засуетилась мама.

У Сони было всего две близкие подруги. Нелька и мама.

Но если Неле она рассказала всё без цензуры, то маме выдала сильно сокращённую версию событий. Без технических подробностей.

— Может, помирись с Лёвой? — после долгой паузы осторожно сказала мама. — Он хороший мальчик.

Соня крутила в пальцах баранку и смотрела в чашку.

— Вот именно от того, что он такой хороший, мама... почему-то больше всего хочется лезть на стену. — Пробурчала она и шумно отпила кофе.

— Соня... будь осторожна, девочка, — почти шёпотом сказала Вера Александровна. — Такие мужчины очень легко разбивают женщинам сердце.

— Мам... — простила Соня, закатывая глаза. — Я не собираюсь вручать ему своё сердце.

— Ох, Соня...

Мама явно хотела добавить что-то ещё, но промолчала.

Как раз в этот момент на столе завибрировал телефон.

СМС с незнакомого номера, состоящего в основном из нулей, единиц и девяток.

«Одно свидание».

Следом второе сообщение:

«Сегодня».

— Иди в жопу, Моронский... — прошипела Соня и отодвинула телефон подальше.

А у самой внутри всё уже звенело от адреналина.

К обеду с ума сошла сигнализация КиИ. Брелок пищал без остановки.

— Да что ещё?! — взорвалась Соня.

Она схватила ключи и выскочила из квартиры, забыв телефон.

— Хлеба купи! — крикнула мама вдогонку.

Из подъезда Соня вышла в домашних штанах, старых кроссовках, майке и огромной толстовке с капюшоном, натянутым почти до подбородка.

Шла, опустив голову и глядя себе под ноги.

Поэтому, когда подняла глаза, резко затормозила и чуть не впечаталась носом в грудь одному из охранников Моронского.

Так и замерла.

Оглядевшись, увидела сзади второго амбала и сразу стало понятно кому принадлежит чёрный Гелендваген с тонированными стёклами, припаркованный у подъезда.

Ну конечно. Какая ещё машина могла быть у такого индюка? Разве что Хаммер.

Моронский стоял, прислонившись к машине, и курил. Увидев Соню, отбросил окуроч в урну и двинулся к ней.

Бежать было некуда.

— Как овцу на заклание, — подумала Соня, когда он молча взял её за руку и повёл к машине.

Так же молча усадил внутрь.

Сам сел рядом.

— И что всё это значит? — максимально спокойно спросила Соня, хотя правильнее было бы начать уже орать и царапаться.

— А, забыл сказать. У нас сегодня свидание. Едем ко мне на дачу.

Он расслабленно откинулся на сиденье.

— Купальник взяла? Хотя... ладно, обойдёмся без него. Игорь, трогай.

Машина плавно двинулась с места.

— Завтра домой верну. Не бойся.

«Не бойся», — мысленно передразнила его Соня.

Непонятно кто. Непонятно куда. И совершенно понятно зачем.

— У меня месячные, — тихо соврала она, почти сразу поняв, насколько тупо это прозвучало.

— Что? — он наклонился ближе.
— Месячные... — ещё тише повторила Соня и почувствовала, как снова краснеет. Она не смотрела на него, но буквально кожей почувствовала его усмешку.
— Это не имеет значения.
— Это ещё почему?
— Потому что хорошие девочки на первом свидании не дают.
Соня уставилась на него.
— Ты же хорошая девочка?
Невыносимый тип.
— В программе шашлык, баня, бассейн... — невозмутимо продолжил он. — А, ну да. Ты тогда просто мяса поешь.
— Что за методы у тебя вообще, Моронский? Почему нельзя по-человечески?
— Потому что по-человечески ты не хочешь.
Сказал жёстко.
Потом чуть мягче добавил:
— Ты же даже на мои сообщения не ответила. А я вообще, между прочим, эсэмэски писать не привык. Знаешь, сколько времени убил на такой длинный текст?
— Секретаря бы попросил.
— У неё в воскресенье выходной.
У него на всё был готов ответ.
— Мне даже переодеться не во что, — буркнула Соня. — Придурок. Белья даже нет.
— Правда? — его взгляд скользнул куда-то в район её груди.
Соски моментально напряглись под тканью толстовки.
— Сменного! — огрызнулась Соня и скрестила руки на груди.
— Я тебе своё дам.
Господи, какой же он невозможный.
— Телефон дай.
— В полицию звонить будешь или зверюге своему?
— Дай.
И уже тише добавила:
— Мне маме позвонить надо. Я телефон дома оставила.
Моронский протянул мобильник. Уже разблокированный.
— Мам... — быстро заговорила Соня, когда та ответила. — Ты сама за хлебом сходи, ладно? Я сегодня, наверное, домой не приду.
И бросила полный ненависти взгляд на Макса.
— Нет, не волнуйся. Всё нормально. Меня пригласили на дачу на шашлыки... и я не смогла отказаться. Потом всё объясню.
Она вернула телефон и демонстративно отвернулась к окну.
— Розы понравились? — Макс придвинулся ближе и стянул капюшон с её головы.
Соня дёрнула плечом.
Жаль, шипы не успела отрастить подлиннее.
— Спасибо. Но не стоило так тратить.
Она отодвинулась к самой двери.
— Нам ехать минут сорок. Так и будешь всю дорогу дуться? У меня не было выбора.
Соня только смерила его уничтожающим взглядом.
— Ладно, — усмехнулся Моронский. — Тогда слушай анекдот...

Глава 9

Соня уже начала думать, что эта пытка никогда не закончится.

Находиться рядом с ним так долго, в тесном пространстве автомобиля, было физически тяжело. Он будто занимал собой весь воздух внутри салона. Давил. Держал в напряжении. Изводил. Заставлял сильнее сжимать колени и смотреть исключительно в окно.

Но наконец машина свернула с трассы. Попетляла по узкой дороге, проложенной сквозь сосновый лес, и остановилась у высоких каменных ворот, которые плавно разъехались.

Гелендваген въехал во двор и затормозил перед домом.

Соня невольно подняла глаза.

Особняк был огромный. Из стекла, дерева и камня. Геометрически сложный, ступенчатый, будто встроенный в лес, а не поставленный посреди него. Односкатные крыши мягко поднимались вверх, растворяясь в кронах сосен.

И — странное дело — дом не выглядел холодным. Наоборот. Несмотря на ультрасовременную архитектуру, в нём было что-то живое и тёплое. Не чувствовалось той стерильной мёртвости, которой часто грешат дорогие дизайнерские дома, где всё идеально просчитано, но душой и не пахнет. Здесь же стекло, камень и дерево словно перетекали друг в друга. Первый этаж вообще был почти полностью прозрачным и сквозь огромные стеклянные стены просматривалось внутреннее пространство дома.

«Вечером тут, наверное, вообще нереально красиво...»

Соня тут же мысленно себя одёрнула.

Какого чёрта она вообще оценивает его дом?

— Максим Андреич! — раздался рядом бодрый мужской голос. — У меня всё давно на старте!

Навстречу им спешил маленький сухонький мужичок. Абсолютно лысый, сморщенный, будто слегка подвяленный солнцем.

— Саныч, познакомься, — сказал Моронский, приобнимая Соню за плечи.

Она тут же дёрнулась и сбросила его руку.

Максу это явно не понравилось, но он только прищурился.

— Это Соня. Моя гостья.

— Красииввая... — протянул мужичок и широко улыбнулся прокуренными зубами. — Сан Саныч. Можно просто Саныч. Я тут вроде как по хозяйству заведую. Проходите в дом, чего во дворе стоять. Банька топится. Мясо сегодня будет — закачаесться!

— Не торопись, Саныч, — лениво сказал Моронский. — Мы пока не голодные.

И, наклонившись к Соне, тихо добавил:

— Мы пока аппетит нагуляем. Пойдём, спальню тебе покажу.

Его рука снова опустилась ей на плечо, но Соня резко шагнула вперёд, разрывая контакт.

И тут же была остановлена.

Моронский дёрнул её за капюшон толстовки обратно на себя, развернул и крепко стиснул руками.

— Строптивая, да? — проговорил он ей почти в губы. — Спорим, сегодня сама вцепишься в меня, как в последний раз? Будешь жаться ко мне всем телом и визжать от удовольствия. Про всё забудешь, хорошая девочка.

— Ты вообще в своём уме? — задохнулась Соня. Непонятно только — от возмущения дерзостью Макса и его самоуверенностью или от болезненно-сладкого спазма внизу живота, который все же решила игнорировать. — Не будет этого!

— Клянусь, Орлова, — тихо сказал он, — сегодня ты сама будешь меня обнимать и кричать. Если до вечера этого не случится — отпущу тебя и больше никогда не трону. Но если выиграю я — спим ночью в одной постели.

И тут же добавил:

— Просто спим. Успокойся. Если сама не попросишь другого.

Ага. Конечно.

— Подожди, — Соня даже нервно усмехнулась. — То есть если я добровольно тебя обниму — я проиграла?

— Да.

— И буду визжать от удовольствия?

— Именно.

Соня рассмеялась. По-настоящему. Потому что это было уже настолько самоуверенно, что почти абсурдно.

— Моронский... На свете нет такого вещества, которым можно так обдолбиться.

Улыбка исчезла с его лица мгновенно. Он шагнул ближе. Ладонь жёстко обхватила её челюсть, пальцы вдавились в щёки.

— Смеёшься? — рыкнул он ей в рот. — Дерзкая. Упрямая. Всё, как я люблю. Тем слаще будет ставить тебя на колени.

И вот тут Соне стало не смешно.

Совсем.

Колени действительно предательски ослабли.

— А теперь пойдём, — уже спокойнее сказал он, отпуская её лицо. — Покажу тебе спальню.

Внутри дом оказался ещё красивее.

И ещё страннее.

Как дизайнер Соня сразу видела: всё здесь было продумано до мелочей. Повторяющиеся фактуры, свет, геометрия, сочетания материалов — интерьер работал как единая система.

Но при этом... В доме почти не чувствовалось самого Моронского. Слишком всё было выверено, прилизано и по-женски спокойно.

А Моронский — это ведь хаос. Его энергия сюда будто не вписывалась.

— Это дом родителей, — вдруг сказал он, словно прочитал её мысли. — Они тут живут, когда прилетают из Штатов.

— Они в Америке живут?

— Давно. Я тоже там вырос.

Он открыл одну из дверей второго этажа.

— Проходи.

Сам при этом не отступил ни на сантиметр.

И Соне пришлось буквально протискиваться между косяком и его телом. Слишком близко. Опять этот запах. И это тепло. Этот пульс в горле.

— Я хотел поселить тебя в гостевой напротив, — спокойно сказал он. — Но пари ты проиграешь. Так что будешь спать здесь.

— Ты никогда раньше не проигрывал?

— Не приходилось.

— Ну что ж... — Соня вскинула подбородок. — Я буду первой.

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга. На таком расстоянии, где уже ощущаешь чужое тепло кожей.

Соня смотрела ему в глаза с вызовом.

И плавилась внутри.

— Будешь, Сонь, — медленно ухмыльнулся он. — Ты обязательно у меня будешь.

Она первой отвела взгляд и отступила.

Комната сразу отвлекла её внимание.

Вот здесь Моронский был везде. В каждой детали. В книгах стопками на полу. В гитаре у окна. В холстах на подрамниках. В каких-то странных предметах из путешествий. Даже в покрывале с индейским орнаментом.

Комната была живая и будто дышала им.

— Ты всё это прочитал? — кивнула Соня на книги.

— Что-то прочитал. Что-то нет. Бывает же — открываешь книгу, и либо проваливаешься в неё, либо бросаешь через десять страниц.

Он подошёл ближе и встал почти у неё за спиной.

— И что читаешь сейчас?

— «Заводной апельсин».

Его голос прозвучал прямо у её уха.

— Мы будем говорить о литературе или дальше пойдём? У меня спальня сейчас ассоциируется только с двумя вещами. Но спать ещё рано... а трахнуть ты себя не даёшь.

Соню снова бросило в жар.

Господи, почему именно она вообще попалась ему на глаза?

Почему именно её он решил тащить в свою пропасть? Ведь полно же тех, кто прыгнет туда добровольно, не задумываясь о последствиях...

— Дальше пойдём, — быстро сказала она и снова увеличила расстояние между ними.

— Ну как хочешь, — хмыкнул Моронский. — Тогда пойдём коня покажу.

— У тебя есть конь? — удивилась Соня.

Воображение мгновенно нарисовало Моронского верхом на жеребце. Картина получилась настолько нелепой, что Соня едва не фыркнула.

— Не просто конь. Ракета.

Они прошли через дом и спустились в гараж. Там, за Гелендвагеном, под чёрным чехлом стояло что-то массивное и Соня уже догадалась что это за конь.

Моронский сдёрнул брезент.

Так и есть - Мотоцикл. Огромный. Чёрный. И почему-то до боли похожий на самого хозяина.

— Triumph Rocket 3, — с гордостью сказал Макс. — Можно просто Триумф. Когда сытый — урчит. Хищник, но если найти подход, становится ручным. Разгон до сотни за три секунды...

Он что-то рассказывал про двигатель, цилиндры, охлаждение, передачи. Соня не понимала ни слова. Но сам мотоцикл гипнотизировал.

— Надевай, — Моронский протянул ей тяжёлую кожаную куртку.

— Зачем?

— Прокатимся.

— Нет.

— Вообще-то я не спрашивал.

— Я не сяду на это!

Он молча подошёл. Натянул куртку ей на плечи и застегнул молнию до подбородка. Потом присел перед ней на корточки и начал переобувать её в высокие ботинки, спокойно объясняя это мерами безопасности.

Соня даже растерялась. Это выглядело... слишком нормально. Слишком по-человечески. Что совершенно не вязалось с самим Моронским.

Через минуту он уже выкатывал байк во двор. А потом мотор взревел так, что у Сони заложило уши.

— Нет. Пожалуйста... — выдохнула она.

Но Моронский Екатерина слышал возражений и уже надевал ей шлем, затягивая ремешок под подбородком.

Потом взял за руку и подвёл к мотоциклу.

Усадил сзади. Сел сам.

— Обними! — он жестом показал на свою куртку.

Соня не шелохнулась.

— Обними, говорю.

— Какая же ты сволочь, Моронский...

Она нехотя обхватила его по бокам.

Мотоцикл рванул вперёд. Сначала медленно. Потом быстрее. Потом ещё быстрее. Соня чувствовала, как у неё леденеют руки. Как ветер начинает срывать дыхание. Как земля под колёсами превращается в размазанную полосу.

Когда скорость стала совсем сумасшедшей, она уже не выдержала. Вцепилась в него обеими руками. Со всей силы. И зажмурилась.

И тут же почувствовала, как Моронский одной рукой накрыл её сцепленные пальцы и погладил.

«Гад...»

«Держись за руль обеими руками!»

«Пожалуйста...»

Слава богу он вернул руку обратно.

А через секунду мотоцикл вошёл в поворот. Соня почувствовала, как их наклоняет почти к самому асфальту.

И завизжала.

Громко.

Как если бы была на американских горках...

Глава 10

Едва стих рокот мотора, Соня, наплевав на риск свернуть себе шею, соскочила с мотоцикла. Зацепилась ботинком за какую-то железку, едва не полетела носом вперёд, но чудом удержалась на ногах.

Передоз адреналином не способствовал ровному течению мыслей, а злость доминировала над всеми остальными эмоциями. И скрывать она это не собиралась.

— Ненавижу тебя, Моронский! Слышишь?! — Соня резко стянула шлем и сдула с лица выбившиеся пряди.

— Ш-ш-ш... тихо-тихо, — Макс тоже снял шлем и примирительно поднял руки. — Я бы на твоём месте поосторожнее разбрасывался такими признаниями. Ты в курсе, что фенилэтиламин — вещество, вызывающее влюблённость — входит и в химическое соединение, которое мы привыкли называть ненавистью?

Он сделал пару шагов к ней, расстёгивая куртку.

— Не подходи ко мне!

— А то что? — усмехнулся он. — Я, между прочим, привёз тебя на речку. Красиво. Природа. Или природу ты тоже ненавидишь так же сильно, как меня?

— Не произноси это слово! — прошипела Соня. — Что ты вообще можешь знать о любви? У тебя один секс на уме!

Макс взъерошил волосы, примятые шлемом.

— Не знаю, — пожал плечами. — Я люблю рибай, но у меня никогда не возникало желания его трахнуть.

— Господи... — Соня закатила глаза. — Ты просто невозможен.

Как с ним вообще разговаривать? Как объяснить элементарные вещи человеку, который любую эмоцию превращает в пошлую шутку?

— Ты хоть раз в жизни любил? — спросила она наконец.

Макс сел прямо на траву, бросив рядом куртку, закурил.

— В третьем классе мне нравилась одна девочка. Я признался ей в любви, а она подняла меня на смех перед всем классом.

Соня невольно посмотрела на него.

Без куртки он выглядел ещё опаснее. Под чёрной футболкой перекачивались мышцы, руки были перевиты венами, смуглая кожа поблёскивала после дороги.

Она заставила себя отвести взгляд.

— И теперь ты за это мстишь всем женщинам?

— Пфф... зачем? — фыркнул он, выпуская дым. — Я её трахнул у себя в клубе, пока её жирный муж сидел в соседнем зале, пил мой коньяк и курил сигару, которой я его угостил. Так что гештальт давно закрыт.

Соня шумно втянула воздух.

— Тебе говорили, что ты самый циничный тип на планете?

— Постоянно, — невозмутимо ответил Моронский. — А я просто умею ждать.

Соня отвернулась и уставилась на шнурки своих огромных ботинок.

Невыносимо.

Невыносимо слушать его. Смотреть на него. И ещё хуже — чувствовать то, что она чувствовала рядом с ним.

Он не должен был ей нравиться.

Вообще.

Она обязана была испытывать только раздражение, страх и неприязнь.

Но нет.

В нём было что-то страшно притягательное.

Красота — почти пугающая. Сила. Ум. Власть. Уверенность человека, который привык брать всё, что хочет.

И Соня чувствовала, как у неё заканчиваются силы сопротивляться.

Поддаться...

Отдаться...

Позволить ему всё решить за неё...

Это было страшно.

И сладко.

Именно поэтому она так панически боялась.

Потому что знала: если однажды переступит черту — пропадёт.

Целиком.

— А ты сама знаешь, что такое любовь? — неожиданно спросил Макс.

Соня медленно повернулась к нему.

С безопасного расстояния она позволила себе разглядывать его почти открыто. Да, он красив, как демон Врубеля. Длинные ноги, мускулистые крепкие бёдра обтягивала ткань чёрных джинсов. Широченные плечи, крепкий рельефный торс угадывался под чёрной простой футболкой. Разрозненные вкрапления рисунков на рельефных руках не портили его, а усиливали эффект дьявольского обаяния. Крупная цепь на мощной шее, часы на запястье — наверняка дорогие, — просто кричали о его финансовом состоянии. Соня никогда раньше не видела и не встречала таких мужчин. И как с такими себя вести — не знала.

Бешеный магнетизм. Опасный.

Неудивительно, что он не привык к отказам.

— Любовь... — тихо начала Соня, присаживаясь на траву. — Это доверие. Взаимопонимание. Это когда ты знаешь, что человек не предаст тебя ни при каких обстоятельствах. И ты его тоже не предашь.

— Скучно, Соня, — протянул он, закусывая травинку. — Ты сейчас перечислила вещи, которые вообще-то должны быть нормой в любых отношениях. Хоть дружеских, хоть деловых.

— А что тогда любовь по-твоему?

Он долго смотрел на неё.

Так, будто решал — стоит ли вообще отвечать.

— Не люблю разговоры о любви, — сказал наконец. — Бесполезное сотрясение воздуха. Нет любви. Есть служение.

У Сони дрогнули пальцы.

— Служение?

— Да. Когда ты считаешь человека настолько важным, что хочешь делать его жизнь лучше. Проще. Ярче. Это желание, от которого невозможно избавиться. Однажды пазл складывается — и всё. Намертво. Но такое редко бывает. Как двойная радуга.

У Сони почему-то защипало глаза.

— Но женщине ведь нужны слова... нежность...

— Женщине нужна крепкая рука, — жёстко сказал он. — Мужчина, который способен взять ответственность. Который будет действовать, а не болтать языком.

— И ты знаешь такие примеры?

— Конечно. Мои родители.

Соня сглотнула комок.

— Значит, ты просто не встретил такую женщину и сублимируешь всё в секс?

Моронский усмехнулся.

— Нет, Соня. Я ничего не ищу. Меня всё устраивает. Я просто беру от жизни то, что хочу.

И опять внутри неприятно кольнуло разочарование.

Вот только ей начинало казаться, что под всей этой звериной оболочкой есть нормальный человек — как он снова всё рушил одной фразой.

С ним нельзя расслабляться.

Нельзя очаровываться.

— Кстати, — вдруг резко сказал он, — где твой Арнольдич со своей любовью и преданностью? Почему он тебя с вертолётами не ищет? Какой-то мужик увёз его девушку, а он сидит — лапки сложил.

Соня опустила глаза.

Потому что этот вопрос она сама задавала себе уже неделю.

— Только не говори, что сама об этом не думала, — холодно добавил Моронский. — Если бы ты была моей женщиной, ни один яйценосец к тебе ближе ста метров не подошёл бы.

— Это не забота!

— А что?

— Не знаю! — вспыхнула Соня. — Собственничество. Желание показать, у кого член больше.

— Тогда зачем тебе мужик с таким маленьким членом? — хмыкнул Макс. — Всё же было понятно ещё в ресторане.

— Я не хочу, чтобы ты говорил о нём в таком тоне!

— Да я вообще не хочу о нём говорить.

Он поднялся и подошёл к ней вплотную. Навис, закрывая собой солнце, клонящееся к закату.

— Я бы сейчас с большим удовольствием стянул с тебя штаны, нагнул над байком и вытрахал из тебя даже воспоминание об этом ванильном мальчике.

Соня прожгла его взглядом.

На пощёчину сил уже не осталось.

— Однако комары тут вечером жрут зверски, — невозмутимо продолжил он, хлопнув себя по шее. — А мне бы не хотелось делить твою голую задницу даже с ними.

Он протянул ей руку.

Соня проигнорировала жест и поднялась сама.

— Не ври хотя бы себе, — тихо сказал он уже совсем рядом. — Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя. И если бы не твоя порядочность и чувство долга перед человеком, который тебя недостоин, мы бы уже давно наслаждались друг другом.

— Я так не умею, Моронский! — вскинула подбородок Соня. — Люди — это не файлы. Нельзя просто всё стереть и переустановить.

Он смотрел на неё долго, играя желваками.

— Я есть хочу, — заявила Соня, не дожидаясь очередной его колкости. — Ты мне мясо обещал.

Обратная поездка уже не казалась таким кошмаром. Теперь Соня держалась за него так крепко, будто от этого зависела её жизнь. Прижималась всем телом к его спине. Сжимала куртку пальцами. На поворотах стискивала зубы, чтобы не визжать.

Не дождётся.

Но когда они остановились у дома и ноги снова коснулись земли, колени всё равно подогнулись.

Она бы упала, если бы Моронский не поймал её за талию.

— Сногшибательно, правда? — прошептал он ей в ухо. — Почти как оргазм.

— Моронский... — выдохнула Соня. — Я очень устала и голодная. Поэтому разговоры про твои оргазмы сейчас просто не воспринимаю. Нормальные мужчины девушку сначала кормят, а потом соблазняют.

Она осторожно убрала его руку и пошла к гаражу, неловко переставляя ноги в огромных ботинках. Но через секунду Моронский легко подхватил её на руки и Соня снова задохнулась.

Этот запах... Тёплый. Очень какой-то... мужской. Не неприятный, нет. Опасный. Он проникал под кожу, как наркотик. Она даже перестала дышать, чтобы случайно не впустить его в себя слишком глубоко.

В гараже Макс поставил её на ноги. Медленно расстегнул молнию на её куртке. Развёл полы. Снял с плеч. И так же медленно провёл ладонями вниз вдоль её тела, чуть задев грудь, потом талию и бедра. После его рук по коже будто тянулся раскалённый след.

— Не старайся, — хрипло сказала Соня. — Не действует.

— Врать ты совершенно не умеешь, — спокойно ответил он, расшнуровывая ей ботинки. Задний фасад дома выходил на огромную террасу с бассейном.

На столе уже стояли овощи, сыры, фрукты, зелень. Из беседки тянуло дымом и жареным мясом.

У Сони свело живот от голода. Она тут же схватила кусочек сыра, потом виноградину.

— Ты стоя есть собираешься? — услышала она голос Моронского.

Он уже переоделся в длинный тёмный халат с вышитой буквой «М» на груди.

«Специально ведь рисуется!»

Соня плюхнулась в кресло.

Несколько минут они молча смотрели друг на друга. Ей стоило огромных усилий выдерживать этот взгляд. Поэтому первой не выдержала именно она. Потянулась к бутылке воды. И краем глаза заметила, как у него дёрнулся кадык.

От этого почему-то снова бросило в жар.

— Посторонись! — крикнул Саньч, неся шампур.

Через минуту перед Соней уже стояла тарелка с мясом. Она откусила кусок. И едва не застонала.

— Очень вкусно...

— Многообещающий аппетит, — протянул Моронский.

Сам он к еде даже не притронулся.

— А ты почему не ешь? — пробубнила Соня с полным ртом.

— После бани.

Он плеснул ей вина.

— «Ле Фор де Латур». Двенадцатый год. Попробуй.

Соня сделала глоток.

— Вино как вино.

Моронский усмехнулся.

— Саныч! Парная готова?

— Готова!

Моронский не спеша стал снимать кольца с пальцев, отбрасывая их на столик, затем снял часы и цепь с шеи. Поднялся с кресла. Пристально глядя на жующую Соню, нарочито медленно начал развязывать пояс халата. Наконец, разведя его полы, отбросил на кресло позади себя, представ перед Соней во всей своей первозданной красе.

Все, что должно было попасть в Сонин пищевод, внезапно пошло другим путем. Она старалась не смотреть, отвернулась в сторону, одновременно пытаясь унять приступ кашля и сделать спасительный вдох.

— Так я ещё никого не впечатлял, — самодовольно заметил он, хлопая её по спине.

Соня кое-как прокашлялась и схватила бутылку воды.

— Честно говоря... — сипло выдавила она, — судя по размеру букета, я думала, у тебя комплексы.

Моронский только ухмыльнулся и ушёл в сторону бани.

И к чему этот перформанс со стриптизом? Впечатление произвести? Так ему это удалось ещё в первую их встречу. В очередной раз в краску вогнать? Так это перманентное её состояние, когда он рядом, не важно — одетый или нет. Продемонстрировал Соне корень своей самоуверенности? Ожидаемо! Какая самоуверенность — такой и корень!

Из парной, доносились ритмичные шлепки, сопровождающиеся мужскими вскриками и охами, громкое фырканье и рычание, прерываемые всплесками и шипением воды.

Как долго это продолжалось, Соня точно сказать не могла, только вокруг уже значительно потемнело.

Наконец, дверь позади Сони с шумом распахнулась. Громко отфыркиваясь, Моронский с разбегу плюхнулся в бассейн бомбочкой, подняв небольшой фонтан воды, и довольно надолго пропал в его глубине. Соня даже вытянула шею, чтобы посмотреть, все ли там с ним в порядке, как вдруг Макс резко вынырнул на поверхность, и тряхнув головой, подплыл к бортику.

— Кайф! Саныч — лучший банщик. После его веников, как заново родился.

С этими словами «новорожденный» подтянулся, поднялся руками над бортиком и ловко перекинув длинные сильные ноги, вылез из бассейна.

Кожа его покраснелась, блестела от влаги, вода струйками стекала по чёрным волоскам. Над телом поднимался едва различимый пар. Соня снова опустила взгляд в пол, но краем глаза видела, как Моронский взял с соседнего кресла полотенце и начал вытираться, ничуть не смущаясь наготы. Он даже, как будто, бравировал этим. Хвастался?

О том, чтобы положить в рот ещё хоть один кусочек не было и речи. Она видела, что он сделал шаг к ее креслу.

Ещё ближе.

Остановился прямо перед ней.

Горячий. Совершенно влажный. Огромный.

Соня непроизвольно сильно, почти до судорог сжала колени и зажмурилась. Ну, не умела она смотреть страху в глаза. То есть в пах. Трусила. Хотя, казалось бы... что, она мужика голого никогда не видела?

Такого - нет. Не видела.

— Посмотри на меня, — хрипло приказал он, приподнимая её подбородок.

Она открыла глаза. И упрямо уставилась ему в переносицу. Только бы не ниже.

— У тебя сейчас такое лицо, — тихо усмехнулся он, — будто он уже у тебя во рту. Расслабься!

«Расслабься? Хорошенькое дело! Вот бы его на Сонино место, да чужой член к носу! Посмотрела бы она, как он запел.»

У Сони перехватило дыхание когда Моронский коленом раздвинул ей ноги, сильнее прижимая её к креслу.

И поцеловал.

Жёстко. Голодно. До боли.

Соня перестала понимать, где находится. Слышала только собственный пульс. Чувствовала только его рот. Пульс бил в ушах набатом, отдаваясь эхом между ног. Она едва не совершила то, за что потом сгорела бы от стыда.

Боже... пожалуйста!

А что «пожалуйста»?

Продолжай? Остановись?

Что?

Когда он наконец оставил ее в покое, Соня ещё несколько секунд не могла открыть глаза и даже ощутила что-то вроде благодарности. Поскольку, не до конца была уверена, что смогла бы остановиться первой.

— Зачем всё это?.. — едва слышно спросила она.

— Я хочу тебя.

— Столько усилий ради банального секса...

— Банального? — он коротко рассмеялся. — Девочка... ты бы не торопилась с выводами. Он сел обратно в кресло, наконец обмотав бёдра полотенцем.

— Какой же ты невыносимый.

— Ничего. Ты справишься. Ещё просить будешь.

Он снова налил ей вина.

— Ты ведь можешь получать секс по щелчку пальцев. Зачем тебе я?

Он задумчиво затянулся сигаретой.

— Ты любишь селёдку с клубничным вареньем?

— Что?..

— Вот и я не всеядный.

Соня тихо усмехнулась.

Помолчала.

Сделала глоток вина.

— Мне кажется, у тебя слишком завышенные ожидания на мой счёт. Ну трахнешь ты меня. Самоутвердишься. Повысишь свои позиции в вашем самцовом Форбсе! Потом поймёшь, что у каждой новой добычи всё то же самое, что и у предыдущей. И так бесконечно... — она вернула бокал на место. — А я? Как мне дальше быть? Я не хочу падать с такой высоты... это больно. Если не смертельно.

Он долго смотрел на неё.

Очень серьёзно.

— Я могу предложить только жить здесь и сейчас, — сказал наконец. — Наслаждаться моментом. Какая разница, что будет потом?

В лесу засвистела сплюшка. Сверчки стрекотали в траве. Ночь была тёплой. И что самое невероятное — приятной, несмотря на обстоятельства.

И Соня вдруг подумала...

А что если попробовать играть по его правилам? Хотя бы временно. Тянуть время. Усыпить бдительность. Дождаться, пока ему самому надоест.

— То есть ты готов ждать, пока я сама не соглашусь? — осторожно спросила она.

— Да.

— И сколько?

Он помолчал.

Покрутил кольцо в пальцах.

— Месяц.

— А если через месяц я не сдамся?

Моронский поднял на неё взгляд.

— Тогда отпущу.

— Слово даёшь?

— Даю.

Он чуть усмехнулся.

— Но я никогда не проигрываю, Соня. И вообще-то сегодняшнее пари ты уже продула.

Соня вспыхнула.

— Хорошо. Я согласна потерпеть тебя месяц. Ради того, чтобы потом никогда больше не видеть.

— Даже не представляешь, на что подписалась, — тихо сказал он и протянул ей руку.
— Пошли спать.

Вот уже минут сорок Соня находилась в ванной, соединённой со спальней Моронского. Прежде чем закрыться, она дважды проверила замок, хотя прекрасно понимала: если Макс захочет — никакой замок его не остановит.

Сначала она слишком долго чистила зубы новой щёткой, которую он ей выдал. Потом стояла под горячими струями воды, пока кожа не покраснела, а согреться всё равно не получалось. Её знобило. Трясло. Как будто внутри кто-то непрерывно натягивал струну.

Выйдя из душа, Соня долго смотрела на свои трусы, которые, если уж совсем честно, утратили первоначальную свежесть ещё где-то между его коленом и этим невыносимым поцелуем на террасе.

«Господи...»

В итоге она всё-таки постирала их под краном и пристроила сушиться на полотенцесушитель, предусмотрительно прикрыв сверху полотенцем. Потом натянула огромную футболку Моронского и махровый халат. Халат оказался длинным, пушистым и таким большим, что Соня буквально завернулась в него, как в кокон. Туго затянула пояс. Потом ещё раз. И даже завязала узлом, будто это могло хоть от чего-то спасти.

Некоторое время она просто стояла перед дверью ванной, не решаясь выйти.

Наконец глубоко вдохнула и толкнула дверь.

В спальне горела только одна лампа — приглушённая, тёплая, стоявшая на тумбочке со стороны Моронского. Сам Макс полулежал на кровати с книгой в руках.

В трусах.

И в очках.

Это настолько не совпадало с его привычным образом, что Соня застыла на месте.

— Что? — он поднял глаза поверх очков, заметив её взгляд. — Тебя смущают очки или трусы? Могу снять что-нибудь одно.

— Сделай одолжение, хотя бы ничего не меняй, — фыркнула Соня.

Она осторожно присела на край кровати, не совсем понимая, как вообще теперь себя вести. Немного поколебавшись, легла поверх одеяла, вытянувшись в напряжённую струну.

Моронский отложил книгу на тумбочку, снял очки и медленно перекатился на бок лицом к ней.

Потом наклонился к её шее и шумно втянул носом воздух.

«Господи... как животное».

— Я сейчас, — сообщил он и, перегнувшись через Соню, ушёл в ванную.

Вернулся минут через пять и снова улёгся рядом. Очень рядом.

Слишком рядом.

— Насыщенный день был, да? — проговорил он лениво ей в ухо. — Столько новых впечатлений...

Тон у него был совершенно неприличный.

Соня скосила глаза в его сторону, но промолчала.

— Только вот уснуть, боюсь, будет сложновато.

— Почему? — настороженно спросила она.

— Потому что ты лежишь в моей постели без трусов, никаких месячных у тебя нет, а у меня на тебя хронический стояк.

Он подпер ладонью голову и с откровенно пошлой улыбкой начал рассматривать её профиль.

Соня закусила губу.

Господи, ну почему её тело реагирует на него именно так? Почему опять болезненно сжалось всё внизу живота, стоило ему произнести это вслух?

— Я могу уйти в другую комнату, — тихо сказала она.

— Ну нееет, — протянул Моронский. — Уговор есть уговор.

Соня вдруг повернулась к нему лицом.

— Хочешь, помогу тебе уснуть?

Макс удивлённо вскинул брови.

— Так... а где подвох?

— Нигде. Просто способ знаю один. Папа в детстве научил.

— А-а... папа, — почему-то с явным разочарованием протянул Моронский.

— Да послушай ты! — Соня невольно улыбнулась. — Это игра такая. «Гляделки». Надо лечь друг напротив друга и смотреть в глаза. Моргать можно. Отводить взгляд — нельзя. Кто первый уснёт или отвернётся — проиграл. Всё.

Она показала, как лечь.

— Давай?

— Ну... давай, — с сомнением согласился Макс.

Поначалу Соня едва выдерживала его взгляд.

Моргала чаще, чем нужно. Терялась. А его, казалось, всё это только забавляло. Он почти не моргал, смотрел пристально, спокойно, и в глубине его тёмных глаз будто действительно шевелилось что-то опасное, дикое.

Соня не хотела проигрывать. Поэтому заставляла себя держаться.

Сколько прошло времени — непонятно.

Минуты растянулись. Лица расплывались в полумраке спальни.

Когда Соня в очередной раз открыла глаза после моргания, Моронский уже не смотрел на неё.

Она напряглась, терпеливо ожидая, когда он снова поднимет веки.

Не поднял.

Проиграл.

Он спал.

Совершенно спокойно.

Брови были чуть нахмурены, но с лица исчезло привычное насмешливое высокомерие. К подушке прижимался щекой не хозяин порока и не самоуверенный ублюдок, а просто взрослый мальчик с бородой, которому снился какой-то свой сон.

И почему-то именно в этот момент Соня почувствовала, как её наконец отпускает напряжение.

С этой мыслью она сама медленно провалилась в сон.

Глава 11

Соню разбудили соловьи.

Сначала она даже не поняла, где находится. Только спустя несколько секунд до неё дошло: спальня чужая. Огромная кровать чужая. И тишина вокруг — тоже чужая.

Моронского рядом не было.

Окна были плотно зашторены, поэтому определить время суток Соня смогла не сразу. Утро? День? Может, вообще вечер уже? Она приподнялась на локтях, сонно огляделась... и тут же с глухим стоном рухнула обратно на подушку.

Полы халата распахнулись. Пояс перекрутился где-то сбоку. И большая часть того, что она весь вчерашний день героически прятала от глаз Моронского, сейчас совершенно бесспорно было на виду.

«Господи...»

И сколько времени она так спала — вопрос риторический.

Соня рывком запахнула халат, затянула пояс чуть ли не до хруста рёбер и, наконец, поднялась с кровати. Подошла к окну, отдернула шторы.

Солнце уже стояло высоко, но лёгкий туман ещё стелился над майской травой во дворе. Где-то в соснах всё так же надрывались соловьи.

На стене тикали часы.

Без десяти восемь.

Соня повернулась к кровати и заметила на покрывале сложенный пополам лист бумаги. Размашистый почерк сообщал:

«Я вчера опять выиграл. Ты уснула первой, Соня.

К сожалению, возникли срочные дела, иначе я дал бы тебе как следует рассмотреть то, от чего ты пока отказываешься. А оно по утрам особенно зрелищно.

Водитель отвезёт тебя домой.

М.»

— Придурок... — пробормотала Соня, но почему-то почувствовала облегчение от того, что его действительно нет дома.

Она быстро прошлёпала в ванную, умылась, почистила зубы, расчесала волосы... и только потом поняла, что не может найти свои трусы.

Вообще нигде.

Она проверила полотенцесушитель. Полотенце.

Пусто.

Заглянула под раковину. В корзину. Даже в душевую кабину.

Ничего.

Соня медленно подняла глаза на своё отражение.

— Ну ты и сволочь, Моронский... — прошипела она. — Извращенец долбаный.

Кое-как собрав волосы в небрежную гульку, Соня натянула штаны, майку, толстовку, обулась и спустилась вниз.

В доме стояла непривычная утренняя тишина.

Но в столовой сидел абсолютно незнакомый ей лысый мужчина в строгом костюме. Пил кофе из маленькой чашки и читал газету.

Соня даже остановилась на пороге.

— Доброе утро, Софья Павловна, — спокойно произнёс мужчина, откладывая газету. — Максим Андреевич велел отвезти вас домой после завтрака. Анатолий.

— Очень приятно... — неловко ответила Соня. — Но я готова ехать прямо сейчас.

— Нет, — вежливо, но твёрдо произнёс Анатолий. — Максим Андреевич сказал — после завтрака.

Он поднял серебряный колпак с блюда.

— Здесь бутерброды с икрой. Тут сыры. Клавдия, домработница, не знала, какие вы предпочитаете, поэтому нарезала разные. Кофе горячий. Сок свежесжатый.

Соня моргнула.

— Послушайте... Анатолий. Вы что, вообще всё делаете, как вам шеф скажет?

— Я хочу и дальше работать у Максима Андреевича, — невозмутимо ответил тот. — Пока не позавтракаете, никуда не поедем.

«Господи... какие они все у него дрессированные».

Соня раздражённо плюхнулась на стул, схватила бутерброд с икрой и с видом человека, которого насильно откармливают перед казнью, сунула его в рот.

Кусок не лез.

Анатолий сидел напротив с таким выражением лица, будто получил персональный приказ проконтролировать каждую калорию.

В итоге Соня запихала в себя несчастный бутерброд, залила сверху кофе и резко поднялась.

— Всё. Теперь можно?

— Теперь можно, — согласился Анатолий.

Всю дорогу домой Соня думала о Моронском.

И это раздражало сильнее всего.

Он вообще, в последнее время без особого Сониного дозволения, слишком часто посещал её голову и останавливаться на достигнутом не собирался. Будто однажды просто вломился туда своими тяжёлыми ботинками и теперь там хозяйничал.

И ведь особо не упрекнёшь его. Да, методы у него грубые, пещерные. Местами — абсолютно дикие. Шёл напролом, как танк, ломая волю. Но ведь хуже было бы гораздо, если бы он прикинулся положительным героем. Не сразу, с первой же секунды дал Соне понять, чего ему от неё надо. А начал бы красиво ухаживать, как в романтических мелодрамах, водить в кино, осторожно брать за руку, петь песни про вечную любовь... Вот тогда Соня точно пропала бы окончательно. Влюбилась бы. Отдалась бы без остатка.

А потом сгорела бы заживо, когда вся эта сказка закончилась.

Но Моронский даже этого ей не оставил. Он честно сказал: «Хочу тебя».

И всё.

Проблема была не в нём.

Проблема была в самой Соне.

В её принципах. В её убеждениях. В уверенности, что близость должна быть только с хорошими, надёжными, правильными мужчинами. Которые сразу же женятся.

А не смотрят так, будто хотят тебя сожрать.

А потом появился Моронский — и вся эта стройная система начала рушиться к чертям.

Вернувшись домой, Соня первым делом нашла телефон.

Двадцать восемь пропущенных от Лёвы. Она зажмурилась.

Вот с кем ей сейчас хотелось разговаривать меньше всего на свете.

Соня быстро написала маме, что уже дома и всё нормально, потом ушла в душ. Долго мыла голову. Надела всё чистое. Отдельно помянула украденные трусы. Не дешёвые, между прочим.

Потом сделала чай, забралась с ногами на стул и обняла колени.

Надо было работать. Но перед глазами стоял Моронский. В очках. В трусах. Без трусов. С травинкой в зубах. Спящий. Ухмыляющийся. Голый возле бассейна.

Все версии Моронского крутились у неё в голове, как проклятый калейдоскоп.

Соня заставила себя открыть ноутбук. Минут десять тупо смотрела в экран. Пока в дверь не позвонили.

Она тяжело слезла со стула, прошлёпала в прихожую и посмотрела в глазок.

Лёва.

Внутри всё неприятно сжалось. То ли от жалости, то ли от вины, то ли от осознания, что видеть его сейчас она совершенно не хочет.

Соня открыла дверь.

— Привет. Заходи.

— Здравствуй... — тихо ответил он.

Они стояли в прихожей и молчали.

Соня ждала, что начнёт он.

— Я сто раз звонил! — наконец выпалил Лёва.

— Двадцать восемь, — тихо поправила Соня, опуская взгляд в коврик у двери.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

Нервно и настороженно.

— Может, объяснишь, наконец, что происходит? — спросил он. — ЧТО ПРОИСХОДИТ, Соня?!

Она закрыла глаза.

Эту фразу она репетировала ещё в машине по дороге домой. Тогда казалось — легко. Сейчас язык будто прирос к нёбу. И по позвоночнику медленно скатилась капля пота.

— Нам... надо расстаться.

Слова прозвучали тихо, но после них внутри неожиданно стало легче.

— Давай останемся друзьями?

Лёва будто осел.

Плечи опустились.

— Нет, — тихо сказал он.

— Лёва...

— Нет. — Он качнул головой. — Я не хочу это слушать. Соня... что случилось?

Он поднял на неё глаза, и Соня вдруг поняла — ещё немного, и он заплачет.

Пришлось резко вдохнуть. Как перед прыжком в ледяную воду.

— Ничего не случилось. Я просто тебя не люблю.

Тишина.

И вдруг — всё.

Будто огромный камень свалился с груди.

Лицо Лёвы дёрнулось. Слёзы исчезли моментально.

— И давно? — спросил он чужим голосом.

— Лёва... это была не любовь. Мы всегда были скорее друзьями, которые зачем-то начали спать вместе.

Парень побледнел. На скулах проступили красные пятна.

— Вот, значит, как ты заговорила спустя два года?

— Лёв... ну признай честно, мы больше друзья, чем пара.

Она осторожно потянулась к его плечу, но он резко отшатнулся.

Как от прокажённой.

— А что, этого мало?!

— Мне — да. И тебе, наверное, тоже...

Он опустил голову. Руки повисли вдоль тела.

— Ты с ним? — еле слышно спросил он.

— С кем?

— С этим. — Он резко кивнул в сторону зала, где стоял букет. — Из ресторана?

— У меня ничего с ним нет и быть не может... — сказала и тут же вспыхнула.
Потому что перед глазами мгновенно возникли губы Моронского. Его язык. Его руки.
Лёва всё понял по её лицу.

— Понятно, — зло бросил он.

Развернулся к двери, но перед самым выходом остановился и сквозь зубы процедил:

— И ты такая же, как все. Продажная шлюха.

Дверь хлопнула так, что на кухне звякнула посуда.

Соня медленно сползла по стене на пол, закрыла лицо руками, и заплакала.

Вечером, когда мама вернулась с работы, Соня впервые за много лет сама подошла и крепко её обняла.

— Ты как, детка? — встревоженно спросила Вера Александровна. — На тебе лица нет. Тебя кто-то обидел?

Соня покачала головой.

— Мам... я с Лёвой рассталась.

— Соооня... зачем? — мама тяжело опустилась на пуфик у трюмо. — Вы же жениться собирались...

— Мам, — простила Соня, — я шоколад тоже люблю, но это не значит, что мне надо за него замуж.

— Это всё из-за него? — мама покосилась в сторону букета.

Соня устало пожала плечами.

— Я не знаю. Но если бы не встретила его... наверное, так бы и не поняла, что перепутала дружбу с любовью.

— Он тебе голову морочит! — вспыхнула Вера Александровна. — Соня, не совершай ошибку!

— Нет, мама. Я впервые чувствую, что поступила правильно. Лучше уж быть одной, чем медленно зачахнуть рядом с Лёвой и его Кларой Абрамовной.

У мамы задрожали губы.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь. Я не хочу тебе своей судьбы...

Она тяжело вздохнула.

А потом вдруг сказала:

— Пошли. Расскажу тебе кое-что.

Соня молча пошла следом.

Вера Александровна достала из шкафчика валерьянку, долго отсчитывала капли в рюмку с водой, выпила и села напротив дочери.

— Мне тоже когда-то встретился такой... принц. Тебе тогда года четыре было. Красивый. Настойчивый. Всё твердил: «Моей будешь». Я сопротивлялась. А потом... сдалась.

Она грустно улыбнулась.

— Пропала совсем. А он получил своё — и исчез. Отец твой всё узнал. И ушёл. А я потом всю жизнь винила себя, что из-за своей слабости лишила тебя отца.

По щекам матери медленно покатались слёзы.

Соня молчала.

Потом осторожно взяла её за руки.

— Мам... ты ни в чём передо мной не виновата. Это отец решил отказаться от меня. Не ты.

Вера Александровна тяжело вздохнула.

— Просто будь осторожна с такими мужчинами. Они умеют красиво разрушать женщин.

Соня невесело усмехнулась.

— Нет, мам. Этот как раз ничего красивого не обещает. Он предельно честен. Сразу сказал, что ему нужно.

— И что ты теперь собираешься делать?

Соня задумалась.

Посмотрела на мать — всё ещё красивую женщину, которая когда-то так сильно обожглась, что потом навсегда закрыла дверь в свою личную жизнь.

И вдруг тихо спросила:

— Мам... а тебе с ним было хорошо? С тем мужчиной?

Вера Александровна сначала смущённо отвела взгляд.

Потом посмотрела дочери прямо в глаза.

— Да, Соня. Очень.

— А хотела бы ещё раз испытать это?

Мама грустно улыбнулась.

— Зная, как потом будет больно? Нет.

Глава 12

На утро понедельника у Макса были совершенно определённые планы. Моронский собирался, как минимум, поваляться с девочкой. Притянуть её к себе, дать почувствовать, как она действует на него — неприступная, упрямая, тёплая, нежная. Утонуть в запахе её волос. Потрогать наконец как следует. Не мимоходом, не украдкой, а спокойно, обстоятельно, с удовольствием. А там — как карта ляжет. Он бы дожал её. По-любому.

Скромные овечки по утрам обычно бывают куда сговорчивее, чем ночью. Вряд ли Соня оказалась бы исключением. Макс же видел, как её трясло у бассейна, как она отвечала на поцелуй, сама того не замечая. Эта реакция обещала ему массу интересного. Отличный тизер получился. И Моронский готов был поспорить на что угодно: сама бы она не остановилась. Утром до зубовного скрежета хотелось проверить теорию на практике.

Но вместо этого пришлось ещё до рассвета сорваться чёрт знает куда и вытаскивать из-под ареста важный для него контрабас, потому что остолопы, которым он платит бешеные деньги, не способны самостоятельно решить вопрос с таможней.

Уже полностью одетый, Макс задержался на пороге спальни и бросил взгляд на спящую Соню. Полы халата разошлись, открыв длинные стройные ноги и соблазнительную часть бедра. Моронский посмотрел на часы и тихо выругался.

Перед тем как выйти из комнаты, зачем-то завернул в ванную, снял с батареи Сонины трусы и сунул их в карман брюк.

И потом не раз пожалел об этом импульсивном поступке.

Потому что весь день, пока он разгребал чужой проёб, в котором завязли не только его деньги, но и весьма серьёзные люди, стоило ему машинально сунуть руку в карман — мысли тут же летели к ней.

Ситуацию всё-таки удалось разрулить. Почти без потерь.

Домой не хотелось.

Макс решил закончить день в своём личном Эдеме.

«Порок» работал ежедневно, без выходных, открывая двери ровно в восемь вечера и закрываясь под утро. По понедельникам здесь обычно было пустовато. Так, с десятков постоянных толстосумов отдыхали в разных залах клуба.

Общение между членами клуба правилами не приветствовалось. В «Пороке» царила абсолютная конфиденциальность. Никаких телефонов, никаких средств связи с внешним миром. Лицо каждого гостя скрывала маска. Вместо имён — псевдонимы и номера на картах. Даже персонал работал в специальных чёрных кожаных масках. И сам хозяин клуба не был исключением.

Всё, что происходило в стенах «Порока», оставалось внутри него.

Сюда приезжали отдыхать от переговоров, бизнеса, власти и ответственности. Кто-то уединялся с девочками в Привате. Кто-то пил дорогое вино под живую музыку в ресторане. Кто-то предпочитал наблюдать за танцующими посетительницами в диско-зоне, подыскивая себе компанию на вечер.

Одни находили удовольствие в участии. Другие — в наблюдении.

И ни один вечер в «Пороке» не напоминал банальную тусовку пресыщенных богачей. Скорее это походило на ритуальное собрание жрецов и жриц какого-то древнего культа. А главным божеством здесь был он — Моронский.

Макс сидел в своём Привате и курил чёрную Trejger. Какая-то голубушка уже минут тридцать старательно выписывала перед ним бёдрами восьмёрки, но сегодня это почти не цепляло. Музыка пульсировала в венах, уносила, как лёгкий наркотик. Landikhan и Nina Indigo тянули «Astral».

Макс снова сунул руку в карман брюк и достал тонкое чёрное кружево.

Покрутил на пальце.

Смял в кулаке.

Поднёс к лицу и шумно втянул воздух.

Чёрт... эта девчонка действовала на него странно. Хотел её до одури. Но ещё сильнее хотел, чтобы она сама попросила. Чтобы сама тянулась к нему. Чтобы умоляла.

На коленях.

Моронский затянулся сигаретой, выпуская дым к потолку, достал телефон и открыл диалог.

«У меня тут кое-что твоё...»

Стёр.

«Вкусно пахнешь».

Отправил.

Телефон полетел на диван.

Макс снова попытался сосредоточиться на танцующей девице.

Не вставляю.

Минут через пять экран загорелся. Ключула.

«Нюхай на здоровье, фетишист ненормальный!»

Усмехнулся.

«Что делаешь?»

Ответ прилетел почти сразу:

«Сплю»

«Везёт. Я без моргалок уснуть не могу».

«Гляделок!» — тут же исправила Соня.

Макс ухмыльнулся и быстро набрал:

«Голая?»

«Что?»

«Спишь голая?»

«Моронский, отвали!»

Он завис над клавиатурой, потом вместо сообщения просто нажал вызов.

Гудки. Долго. Она явно не собиралась отвечать.

Упрямая.

Ладно.

«Не ответишь — приеду. Адрес знаю».

И следом:

«Настроен решительно».

Снова вызов.

— Что? — наконец услышал он её голос.

— Ты не ответила на вопрос.

— На какой именно?

— Голая спишь?

Тяжёлый вздох.

— Тебе заняться нечем? У тебя там музыка орёт. Найди себе другое развлечение.

— Мне до тебя ехать минут пятнадцать, — спокойно перебил он.

— В пижаме! — буркнула Соня. — В пижаме я сплю. Всё? Это всё, что тебя интересовало?

— Нет. Хотел спросить, как тебе спалось прошлой ночью.

— Не так хорошо, как дома.

— А я отлично спал. Только жаль, утром не получилось попробовать тебя на вкус.

В трубке повисла пауза.

Макс прикурил ещё одну сигарету.

— Поэтому ты украл мои трусы. Понятно.

— Могу вернуть.

— Себе оставь. У меня ещё есть.

Моронский посмотрел на часы. Уже за полночь.

— А ты знаешь, какая ты на вкус?

Тишина.

Дышит.

— Чего молчишь? Неужели никогда не пробовала? Только не говори, что ни разу себя не трогала.

— Макс... — после долгой паузы произнесла она неожиданно тихо. Даже как будто устало. — У меня был очень тяжёлый день. И предыдущий тоже. Я правда устала. Давай ты закончишь на сегодня свои игры?

— Давай, — легко согласился он. — Только после того, как попробуешь себя прямо сейчас и скажешь мне, какая ты на вкус.

— Что, прости?

Он даже усмехнулся.

— Я говорю: сунь пальцы себе между ног, потом оближи и Расскажи мне.

— Моронский... — в голосе её вдруг послышалась смертельная серьёзность, — я ответственно тебе заявляю, что такой ерундой не занимаюсь, да еще и по телефону. Доброй ночи.

И сбросила.

Макс секунду сидел с телефоном у уха.

Потом ещё секунду.

Потом медленно уставился в погасший экран.

— Это что сейчас было?.. — тихо спросил он сам у себя.

И почувствовал, как внутри всё начинает закипать масло. Пришлось довольно резко отстранить слишком близко подобравшуюся танцовщицу, чтобы подняться.

Уже на улице, срывая с лица маску, коротко бросил водителю:

— На адрес, откуда вчера девчонку забирали.

У него было минут пятнадцать придумать, что именно он с ней сделает.

Соня сидела на кровати, закусив кулак, и смотрела на телефон так, будто это он был причиной всех катастроф в её жизни.

Хотя виноват, конечно, был не телефон.

Это она только что совершила дерзость, которой сама от себя не ожидала.

Она ждала, что он позвонит снова. Но телефон молчал. И это было плохим знаком.

«Раньше надо было думать!» — истерично ругался внутренний пессимист. — «Зачем вообще начала отвечать?»

«Да что он сделает?» — пытался спорить внутренний оптимист.

Но внутри всё уже медленно ледяными пальцами сжимал страх. И хуже всего было то, что рядом со страхом жило возбуждение. Уже плохо контролируемое.

Хотелось забраться под одеяло с головой, как в детстве, когда она сама придумывала монстра под кроватью, а потом боялась высунуть ногу наружу.

И одновременно хотелось, чтобы это томление внизу живота хоть немного отпустило.

Почему с ним всегда так?

Стоит услышать голос — низкий, хриловатый, с этим его вечным ленивым придыханием, стоит вспомнить его руки или грязные фразы — и внутри всё скручивалось в тугую спираль.

Время тянулось вязко и тягуче.

Пятнадцать минут показались вечностью. Затем пошла шестнадцатая. Двадцатая.

Ничего.

Неужели пронесло?

Может, он наконец понял, что Соня — плохая игрушка? Бракованная?

Она осторожно опустила голову на подушку и натянула одеяло до подбородка.

Дрожь начала понемногу отпускать.

И тут телефон тихо дзынькнул.

Сердце ухнуло вниз.

Сообщение.

Фото.

Соня открыла его — и мгновенно перестала дышать.

На снимке была входная дверь её квартиры.

Снаружи.

«Если через минуту не откроешь — твои соседи услышат весь мой репертуар».

Следом пришло ещё одно:

«А потом я её вынесу».

— Господи... — выдохнула Соня. — Он больной...

На цыпочках она подошла к двери и посмотрела в глазок.

Он стоял там. Как обычно в чёрном.

И будто заранее знал, что она смотрит.

— Время, — одними губами произнёс Моронский, постучав пальцем по циферблату часов.

Трясущимися руками Соня сняла цепочку и беззвучно повернула замок. Дверь тут же толкнули изнутри.

Сначала в проёме появился тяжёлый ботинок. Потом весь Моронский шагнул внутрь, бесшумно оттесняя её назад. Дверь за ним тихо закрылась.

Ладонь накрыла Сонин рот. Вторая рука сжала её под грудью, подталкивая к стене.

— Тихо, поняла? — хрипло прошептал он. — Не хочешь же маму разбудить?

Соня быстро закивала.

— Умница.

Он убрал руку с её губ и перехватил запястья над головой.

— Нельзя так со мной, Соня...

И впился в её рот поцелуем. Жёстко и голодно. Так, будто весь вечер держал себя на цепи.

От него пахло мятой, дорогим табаком и чем-то опасным, горячим, от чего у Сони слабели колени. Щетина царапала кожу. Губы мучили — то мягко, то почти грубо.

Свободная рука скользнула под пижамную рубашку, коснулась живота и медленно двинулась вверх.

Соню затрясло.

Ей хотелось сопротивляться. И хотелось, чтобы он не останавливался. Если бы он не держал её руки — она бы сама вцепилась ему в волосы. И точно не для самообороны.

Ладонь обвела грудь, пальцы сомкнулись на соске, слегка потянули. Потом сильнее.

Из Сони вырвался тихий судорожный вдох.

— Горячо, детка? — хрипло спросил он ей в шею. — Зачем ты бегаешь от меня? Посмотри, как нас плавит...

Она уже не знала, что говорить.

И что делать — тоже.

Она боялась разбудить маму.

Боялась его.

Но сильнее всего сейчас боялась саму себя. Потому что тело предавало её с каждой секундой всё сильнее.

Соня дёрнулась, пытаясь освободить руки.

Но Моронский только медленно покачал головой.

— Нет, девочка. Я ещё не закончил.

Его рука скользнула под резинку её штанов. Соня непроизвольно подалась вперёд.

Почти приглашение.

— Расслабься... — тихо приказал он.

Она зажмурилась, чувствуя, как окончательно теряет контроль над собой.

— Fuck... какая же ты мокрая, Соня...

От его шёпота по позвоночнику будто пропустили ток.

Мир начал расплываться.

Тело горело. Дыхание рвалось. Она уже почти ничего не понимала.

Только чувствовала.

И когда он заставил её попробовать собственный вкус, Соня окончательно сгорела от стыда.

И от желания.

— Какая ты на вкус? — услышала она его голос будто сквозь воду.

— Солёная... — выдохнула Соня едва слышно.

Макс медленно закрыл глаза.

Усмехнулся.

— Невероятная...

Он наконец отпустил её руки.

Провёл ладонями по груди через ткань рубашки.

Мягко, почти нежно поцеловал в губы.

И вдруг отступил назад.

— Спокойной ночи, Соня.

А потом исчез.

Так же внезапно, как появился.

Оставив её догорать в темноте прихожей.

Соня ещё долго стояла, прижавшись к стене, не в силах пошевелиться.

Потом кое-как добралась до двери и закрыла замок.

И в этот момент вспыхнул верхний свет.

— Соня? — сонно произнесла мама. — Ты чего не спишь?

Соня слотнула.

— Всё хорошо, мам... просто показалось...

Глава 13

Вот уже три дня Соню не покидало стойкое ощущение, будто её преследуют. Преследуют запахи, звуки, образы. Трио: мята, табак и парфюм. Стоило только уловить это сочетание где-нибудь в лифте, на улице или даже просто случайно воскресить его в памяти, как она зависала над самыми элементарными вещами. Могла стоять с зубной щёткой в руке и смотреть в стену. Или минутами сидеть над чашкой чая, забыв, что вообще собиралась его пить. Иногда ловила себя на том, что держит тарелку над раковиной и не понимает, мыла ли уже посуду или только собиралась.

И каждый раз — густо краснела, будто кто-то вслух произнёс рядом с ней что-то неприличное.

Не помогала даже генеральная уборка — древнейший женский ритуал изгнания навязчивых мыслей. Соня перемыла уже всё, что можно было перемыть, перетряхнула шкафы, разобрала полки, но легче не становилось. Наоборот. Казалось, Моронский теперь был повсюду. В зеркалах. В тишине квартиры. В складках простыней. В собственной коже.

Со сном тоже всё стало плохо. Он сделался поверхностным, тревожным, липким. Каждую ночь ей снился один и тот же кошмар — высокий, тёмный и небритый. Соня просыпалась в жару, шла босиком на кухню, жадно пила воду прямо из стакана, а потом долго стояла в ванной и смотрела на своё пылающее лицо в зеркало.

Музыка раздражала особенно сильно. Любая. Даже рингтон телефона действовал на нервы. А песни про чувства вообще хотелось выключать через десять секунд. Раньше Соня никогда особенно не вслушивалась в тексты, а теперь слова сами лезли в голову, будто издевались над ней.

И всюду мерещился Моронский. Его дыхание у шеи. Его губы. Его язык у нее во рту. Его руки. Везде.

И над всем этим круглосуточно мигали два извечных русских вопроса: «что делать?» и «кто виноват?»

Она подолгу выбирала одежду. Переворачивала весь гардероб вверх дном, разбрасывала по комнате вещи, примеряла одно, другое, третье — и всё казалось не тем. Слишком скучным. Слишком вызывающим. Слишком обычным.

В четверг ей нужно было ехать на встречу с заказчиком, а за полчаса до выезда Соня носилась по квартире в одних трусах и с полотенцем на голове, не понимая, что надеть.

В итоге натянула на голое тело простую белую футболку и узкие джинсы, влажные волосы собрала в высокий хвост, сунула ноги в кроссовки и вылетела из квартиры.

По дороге то и дело вздрагивала от чёрных машин в зеркалах заднего вида. Понимала, что ведёт себя как подросток с гормональным отравлением, но поделать с собой ничего не могла. Ключ от собственных эмоций был безнадежно потерян где-то на той злосчастной выставке.

Соня катастрофически опаздывала, ехала с превышением и слишком поздно заметила, как чёрный Гелик, догнав её, встроился впереди в ряд и резко сбросил скорость.

Она уже понимала, что не успевает.

Тормоз.

Визг шин.

Лёгкую Кию протащило по инерции несколько метров и с неприятным треском впечатало в задний бампер внедорожника.

— Моронский, чтоб тебя... — простонала Соня, шлёпнув ладонями по рулю. — Да когда это уже закончится...

И тут же где-то глубоко внутри мелькнула совершенно чужая мысль:

«Зато сейчас ты его увидишь».

Однако из Гелендвагена вышел вовсе не Макс.

Сначала распахнулась водительская дверь, потом пассажирская, и наружу вывалились два бритоголовых амбала, похожих друг на друга как братья. Водитель остался сидеть внутри. Из открытых окон гремел шансон.

— Ничёсе... какая бикса, — присвистнул один из них, подходя к Сониной машине. — Выходи, цыпа. Конечная.

— Я вызываю ДПС, — сказала Соня, поднимая телефон.

— Да хоть папу римского вызывай, — прогундосил второй. — Выходи давай, ущерб оценим.

Соня выбралась из машины, обошла покорёженный капот и с тоской посмотрела на едва заметную царапину на бампере Гелика.

— Тут пятёрка минимум, — важно заявил один.

— Не, восьмёрка, — заржал второй.

Соня почувствовала, как по позвоночнику медленно ползёт холод.

Особенно когда заметила, как один из них откровенно рассматривает её грудь под тонкой белой футболкой.

— У меня нет таких денег... — тихо сказала она.

— А что есть? — прищурился тот, что с золотым зубом.

— Страховка.

— Это половина, — оскалился он. — Остальное как отдавать будешь?

— Мы добрые. По бартеру возьмём.

Соня непонимающе моргнула.

— Да не менжуйся. Нормально всё отработаешь, — хохотнул второй. — Мы тебе ещё на помаду подкинем.

Во рту у неё мгновенно пересохло.

— Что значит «отработаешь»?.. — выдавила она.

— Поревом, — пояснил золотозубый, уже без улыбки. — Чё непонятного?

Соню замутило.

А когда второй сделал непристойное движение бёдрами у неё за спиной, она окончательно поняла, что это совсем не игра Моронского.

Страх стал настоящим.

Колени мелко задрожали. Соня машинально обхватила себя руками, только сейчас вспомнив, что на ней нет лифчика.

И именно в этот момент на обочине остановилась патрульная машина.

Соня выдохнула с таким облегчением, что чуть не расплакалась.

Но радость оказалась преждевременной.

Из патрульной машины никто даже не вышел. Зато водитель Гелика лениво подошёл к окну, сунул туда руку, потом голову... а ещё через минуту ДПС спокойно уехали.

Как будто ничего не произошло.

— Ну чё, красивая, поехали кататься? — снова заржал золотозубый.

Соня сглотнула и решила на последний блеф.

— Скажите своему Моронскому, что я никуда не поеду!

Братки переглянулись.

— Кому?

— Моронскому. Или... как вы его называете? ММА?

Они вдруг дружно заржали.

— Ты чё, малая, попутала? При чём тут Мор?

— Мор вроде за телок не впрягался никогда, — второй верзила смачно сплюнул на обочину и оскалился.

Что-то во всем этом Соне сильно не нравилось. Не понравилось, как этот бритый назвал Моронского. Мор? Какое-то нехорошее предчувствие закралось. Казалось бы, откуда, да? Но она все ещё не теряла надежды, что это очередной идиотский ход в игре Макса.

«Да. Пусть лучше все так и будет. А то как-то уж совсем страшно...»

Она дрожащими пальцами нашла в телефоне нужный контакт и нажала вызов.

— Соскучилась, киска? — почти сразу раздался его голос.

И сердце у неё ухнуло вниз.

— Слушай... — Соня отвернулась от бритых. — Скажи своим людям, чтобы отпустили меня. Я никуда с ними не поеду. Страховка всё покроет...

— Это чё приколы какой-то? — резко перебил Макс.

— Моронский, или как там тебя... Мор? — Прошипела она. — Вот мне сейчас вообще не до шуток. Трое твоих братков требуют с меня восемь косарей за царапину на бампере Гелика...

— Ты где сейчас? — Голос его изменился мгновенно. Стал жёстким и колючим.

— На трассе... я врезалась в чёрный Гелик... а твои...

— Ты в машине?

— Нет.

— Быстро сядь внутрь. Заблокируй двери. И скинь геолокацию.

Тон был такой, что Соня даже не подумала спорить.

Она рванула к своей Кии, захлопнула дверь и тут же нажала блокировку.

— Эй, открывай давай, не дури! — один из братков дёрнул ручку.

Соня вцепилась в руль так, что побелели пальцы, и отправила геолокацию.

Время потянулось вязко. Бритые ходили вокруг машин, плевались, переговаривались. А потом на обочине резко затормозили два автомобиля.

Один — Гелендваген Моронского. Второй — Лексус охраны.

Лексус встал позади Кии. Гелендваген поравнялся с машиной братков. И только сейчас Соня поняла, насколько отличаются два внешне одинаковых чёрных «кубика».

Из машины легко вышел Моронский в темно-синих узких брюках, в чёрной обтягивающей футболке и накинутом на неё темно-синем пиджаке — больше похожий на итальянского мафиози, чем на русского.

Макс коротко переговорил с братками и сразу направился к её машине.

Когда она открыла дверь он молча вытянул её наружу, так же молча подвёл к Лексусу и усадил внутрь.

Потом развернулся и пошёл обратно.

И вот тут Соня впервые увидела, как он меняется. Походка стала другой. Расхлябанной. Опасной. Плечи чуть ссутулились, движения стали ленивыми, текучими.

Это уже был не тот Макс, которого она успела немного узнать.

Это был неизвестный ей Мор.

Он скрылся внутри чужого Гелика, а Соня осталась в ледяной тишине Лексуса рядом с молчаливым охранником.

Минуты тянулись бесконечно.

Когда Моронский наконец вышел из машины вместе с братками, они уже ржали как старые знакомые. Один хлопал его по плечу, второй что-то рассказывал, а сам Макс лениво перекатывал во рту зубочистку.

Соня смотрела на него и не узнавала.

Он будто растворился среди них. Подстроился. Мгновенно стал своим.

Кто он вообще такой?

Почему везде чувствует себя хозяином?

Моронский тем временем направился к Лексусу. По дороге выплюнул зубочистку и сел впереди, рядом с водителем.

Достал влажные салфетки и принялся тщательно вытирать руки.
— Друзья твои? — не выдержала Соня.
Макс медленно повернул голову.
Водитель рядом хмыкнул.
— Ты дура что ли? — рявкнул Моронский. — Это быки какие-то! Они бы тебя под мост увезли и пустили по кругу! Даже имени не спросили бы!
Соня вжалась в сиденье.
А его уже понесло.
— Орлова, ты чем вообще на дороге занимаешься?! О чём мечтала? Ты их рожи видела?
У них же одна извилина и та между булок!
— Я полицию вызвала... — тихо пробормотала она.
— И где она твоя полиция? — зло передразнил Макс. — Лопатник увидели — и память отшибло.
У Сони задрожала губа.
Глаза наполнились слезами.
Макс шумно выдохнул, затянулся сигаретой и уже тише добавил:
— Ладно. Не реви. Всё могло закончиться гораздо хуже.
Она высморкалась в салфетку.
— Это точно был не ты? — спросила наконец.
Моронский закатил глаза и повернулся к водителю:
— Слышал? Она реально думает, что я такой хернёй занимаюсь. Ещё и Брамбус от простого Гелика не отличает...
Потом снова посмотрел на Соню.
— Ты меня от дел оторвала. Сейчас Игорёк отвезёт тебя домой. А инструкции я потом пришлю.
— Какие ещё инструкции?
— Ключи.
— Какие?..
— От машины твоей! — снова рявкнул он так, что она вздрогнула.
Соня быстро протянула ключи.
Макс коротко свистнул в окно и бросил их подошедшему охраннику.
— Отгони.
Потом снова посмотрел на Соню.
— Мне теперь этих дебилов кормить надо. Ты же их без десерта оставила...
Его взгляд медленно скользнул к её груди под тонкой футболкой.
Макс как-то странно замер, втянул нижнюю губу и медленно моргнул.
А потом резко отвернулся.
— Всё. На созвоне.
Он вышел из машины, оставляя после себя запах табака, мяты и парфюма, от которого у Сони снова предательски ослабли колени.

Глава 14

В пятницу утром Соня проснулась с почти осязаемым ощущением чего-то, что непременно должно было произойти именно сегодня. Обычно такое чувство случалось у неё в детстве перед Новым годом, тридцать первого декабря, когда она до рассвета вертелась в постели волчком, не смыкая глаз от предвкушения праздника.

Но если тогда это томительное ожидание приносило исключительно радость, то теперь неизбежное отзывалось внутри оцепеняющим, почти животным страхом. И всякий раз, когда Соня пыталась разобрать по косточкам источник этого состояния, она неизменно упиралась в один и тот же внутренний конфликт: гордость против желания. Причём гордость в последние

дни явно проигрывала. Теряя аргументы, она пряталась где-то в тёмных углах сознания, словно таракан за плинтусом.

«Страшное» предчувствие подтвердилось уже утром, когда на пороге квартиры возник один из мордovorотов Моронского с бандеролью в руках. Славик или Игорь — Соня до сих пор плохо различала их лица, потому что чаще всего видела либо затылки, либо каменные профили. Он молча передал ей два ярко-оранжевых пакета и так же молча удалился.

Немые они, что ли?

Соня отнесла пакеты в комнату и осторожно заглянула внутрь. В одной коробке лежали платье, бельё, какие-то странные ремешки и маска. Во второй — чёрные лодочки на высоком каблуке. Всё было безупречно чёрным, дорогим и пугающе стильным.

Бельё — Соня даже присвистнула, узнав бренд, — выглядело скорее произведением искусства, чем предметом гардероба. А загадочные «шнурки» оказались тонкой кожаной портупей, ремешки которой мягко оплетали тело от бёдер до груди. Шёлковое платье на тонких бретелях сидело идеально: не слишком облегалo фигуру, но подчёркивало её ровно настолько, чтобы оставлять пространство для воображения. Сквозь разрез время от времени мелькали тонкие ремешки, и всё вместе выглядело вызывающе, но удивительно со вкусом.

Неужели это он сам всё выбирал?

Да нет. Не может быть.

Соня долго стояла перед зеркалом, рассматривая своё отражение, и не находила ни одного разумного довода, который позволил бы ей выйти в таком виде хотя бы из подъезда.

Разве что в маске. Она закрывала половину лица — лоб, нос, глаза — и придавала происходящему ощущение какого-то дурного сна.

Через полчаса на телефон пришли обещанные «инструкции»:

«В 10 за тобой заедет водитель. Без маски из машины не выходи. Ничего с собой не бери».

Следом пришло ещё одно сообщение:

«И сделай хвост, как вчера».

У Сони тупо кольнуло в затылке, и мир слегка качнулся. Она даже села на край кровати, чтобы не рухнуть с высоты каблуков.

А если просто не выйти? Проигнорировать? Сделать вид, что ничего не было?

Но внутри уже зрело чёткое понимание: с Моронским такие номера не проходят.

Этой ночью Соня почти не спала. Она успела тысячу раз прокрутить в голове историю с дорогой, с аварией, с его появлением. И чем больше думала, тем яснее понимала: за всё это придётся платить. Моронский не относился к людям, которые делают что-то просто так.

И плату он хотел совершенно определённую.

От одной этой мысли у неё пересыхало во рту и начинало покалывать всё тело, будто адреналин растворился в крови.

А чего именно он ждёт?

Да того же, что и всегда. Чего ждут такие мужчины от таких женщин.

Перед глазами всплыл образ Макса в ложе «Стекла», расслабленного, ленивого, наблюдающего, как перед ним на коленях извивается девушка.

Голова всё ещё кружилась, но уже не так сильно. Соня снова посмотрела в зеркало. Перевела взгляд с длинных ног в дорогих туфлях на собственные губы.

Она никогда ЭТОГО не делала.

Вообще не представляла, что там и как.

А если ему не понравится?

— Идиотка, — вслух сказала она своему отражению.

Не понравится — и отлично. Отстанет наконец. А она забудет всё это как страшный сон. Найдёт себе нормального мужчину. Простого. Доброго. Надёжного. Предсказуемого. Назло всему влюбится. Выйдет замуж. Нарожает десять детей.

Соня вдруг вспомнила любимую фразу одной своей тётушки:

«Не бери, Соня, в голову. Бери в рот — легче выплюнуть».

И Нелька сто раз говорила, что ничего сложного в этом нет. Пять минут потерпеть — и свободна.

Соня показала своему отражению язык.

— Окей, Гугл... и как там вообще это делается?

В 22:32 Соня вошла в тяжёлые двери клуба, распахнутые перед ней швейцаром в такой же маске, как у неё самой.

Первым в нос ударил запах: сандал, кожа, табак, мята.

Глянцевый мрамор пола отражал свет огромной хрустальной люстры. Под куполообразным потолком тянулись витражи и фрески с тревожными, почти безумными сюжетами, напоминавшими полотна Босха. И это был всего лишь холл.

Соню подвели к стойке, похожей на ресепшен дорогого отеля.

— Телефон, часы, брелоки и любые записывающие устройства, пожалуйста, сюда.

Парень в маске держал перед ней чёрный ящик. Соня положила туда телефон. Ячейка закрылась.

— Введите любой код из четырёх цифр и запомните его.

Она ввела.

— Ваше запястье.

Соня протянула руку. На внутренней стороне запястья щёлкнула печать, хотя следа не осталось.

— Штрих-код виден только под сканером. Добро пожаловать в «Порок».

И вот тогда она окончательно поняла: это действительно другой мир.

Мир, в котором люди не знают проблем серьёзнее мелкого жемчуга.

Коридоры и переходы соединяли между собой залы, совершенно непохожие друг на друга. Мужчины и женщины в масках медленно двигались между диванами, столиками, барными стойками, будто кровь текла по венам огромного живого организма.

И Соня постепенно влилась в этот поток.

Она переходила из одного пространства в другое, не переставая смотреть по сторонам. Каждый новый зал словно принадлежал иной эпохе, иному измерению. Со стен на неё смотрели портреты каких-то августейших особ с выражением молчаливого упрёка: «Девочка, ты точно пришла по адресу?»

Музыка вела её дальше.

Странная. Тягучая. Гипнотическая.

С каждым шагом ритм всё глубже отзывался внутри тела, задевая что-то спрятанное слишком глубоко.

Наконец Соня вышла в огромный зал, больше всего напоминающий ночной клуб — если бы ночные клубы строили архитекторы, вдохновлявшиеся снами после высокой температуры.

С потолка свисали стеклянные конструкции, похожие то ли на кораллы, то ли на сталактиты. Красный свет пробегал по ним волнами, и казалось, будто потолок дышит в такт музыке.

По периметру стояли низкие диваны и столики. Мужчины в масках сидели расслабленно, по одному или парами, а к потолку поднимались ленивые облака кальянного дыма. На сцене вокруг шестов двигались полуобнажённые девушки.

Другие танцевали прямо среди гостей.

И неожиданно для самой себя Соня тоже начала двигаться.

Сначала осторожно, потом свободнее.

Музыка обволакивала сознание, расслабляла, вытаскивала наружу что-то непривычное. Она кружилась, двигала бёдрами, растворяясь в ритме, и в какой-то момент поймала себя на том, что ей нравится происходящее.

И именно тогда её прервали.

— Максим Андреевич просил проводить вас.

Они поднялись по винтовой лестнице на второй уровень, в коридор частных шатров.

Проходя мимо одного из них, Соня невольно заглянула внутрь — и тут же отвела взгляд. Но увиденного хватило, чтобы сердце сорвалось вниз.

Внутри происходило что-то слишком откровенное, слишком чужое, слишком реальное. И совершенно бесстыдно выставленное напоказ.

Туфли вдруг стали неподъёмными. Под платьем выступила испарина.

«Куда ты идёшь?» — панически спросил один внутренний голос.

«Беги, пока не поздно», — умолял второй.

Но поздно уже было.

Провожатый остановился у самого дальнего шатра и отодвинул тяжёлую портьеру. Внутри, в красноватом полумраке на диване сидел мужчина в маске. Расслабленный. Неподвижный. С сигаретой в руке.

Он лениво похлопал ладонью по дивану, приглашая её сесть рядом.

Только теперь Соня уловила запах марихуаны.

Она осторожно опустилась на край дивана.

Макс поманил её ближе, но Она не двинулась. Тогда он резко подался вперёд, прижал её к спинке дивана и заставил вдохнуть терпкий дым, запечатав его глубоким нервным поцелуем.

Музыка стала глубже. Тело — тяжелее и мягче одновременно. Тревога, мучившая её последние дни, начала медленно растворяться.

— Извини, здесь такие правила, — усмехнулся Моронский.

И постепенно всё вокруг стало казаться странно естественным. Красный свет. Музыка. Его руки. Его голос. Даже страх перестал быть страхом. Он превратился во что-то другое. Опасное. Манящее.

Сдаться.

Перестать сопротивляться.

Позволить всему случиться.

И освободиться...

Подстрекаемая этим желанием, Соня уперлась ладонками в каменную грудь Моронского. Он расценил это по-своему и попытался вжать её обратно в мягкую кожу дивана.

— Не останавливай меня, я собираюсь сделать то, зачем пришла, — заявила Соня, заторможенно ворочая языком.

Она сама не заметила, как оказалась перед ним на коленях.

И замерла.

Потому что именно в этот момент остатки сознания вдруг попытались вернуться.

Что она делает?

Зачем пришла сюда?

Что вообще происходит?

Но в комнате, один на один с мужчиной, который пугал и привлекал с одинаковой силой, находилась теперь лишь её оболочка. Красивая, гибкая, податливая, но чужая. Это было всего лишь тело. И сейчас оно Соне не принадлежало! Или вернее сказать — это она, Соня, больше не принадлежала собственному телу.

А Моронский смотрел на неё так, будто видел именно ту версию Сони, которую всё это время пытался вытащить наружу.

У неё не было возможности вести учёт и сравнительный анализ, но если бы её спросили, что, по ее мнению, есть — идеальный член, то Соня ответила бы что вот такой, как этот!

Она коснулась его осторожно, почти неуверенно, словно боялась разрушить что-то хрупкое.

И этого оказалось достаточно.

Макс шумно выдохнул, прикрыл глаза и перехватил её хвост у основания, удерживая, будто боялся, что она внезапно передумает и сдаст назад.

В комнате сгушалась музыка, красный свет дрожал на стенах, а между ними натягивалось что-то опасное и необратимое.

Он что-то шептал ей — хрипло, сбивчиво, почти зло от напряжения.

Она отвечала ему движениями, в которых было больше растерянности, чем опыта, и именно это сводило его с ума сильнее всего.

А потом всё вдруг стало слишком.

Слишком жестко. Глубоко. И до слез — стыдно...

Когда он притянул её обратно к дивану, Соня уже начала приходить в себя.

Стыд накрыл мгновенно. Резко и безжалостно. Она сидела, тяжело дыша, чувствуя, как возвращается сознание вместе с паникой.

Макс что-то говорил ей — уже мягче, почти шутливо, — но слова проходили мимо.

Потому что внутри звучало только одно:

«Что ты натворила?..»

И когда стаф появился у входа в шатёр, сообщив, что Моронского срочно ждут в другом привате, Соня впервые за вечер почувствовала не разочарование, а облегчение.

«Какой стыд, господи!»

«Совратил, подсадил на какую-то дрянь!»

Предостерегающие Нелькины фразы, словно дротики, больно врезались в трезвеющий мозг, и уже не казались забавным бредом творческой натуры.

Но точка долбанного невозврата пройдена.

Или ещё нет?

Сейчас он вернётся и продолжит начатое прямо здесь. Трахнет, как ту брюнетку в соседнем випе. Как доступную, на всё согласную девку!

От собственных мыслей стало противно до одури. А от поведения, которое она себе позволила минуту назад, хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, раствориться бесследно.

Слёзы подступили, уже почти обожгли. И она бы дала волю эмоциям. Но здесь?

Нет. Ни за что!

Соня сильно стиснула зубы, запрещая себе даже мизерную слабость. Главное глубоко дышать. Медленно. Жадно.

«Чего сидим? Чего ждём?» - ехидно поинтересовался первый внутренний голос.

«А она ждёт продолжения! Ей понравилось!» - зло процедил второй.

Ну, уж нет!

Бежать! Без оглядки и без сожаления! Это же так просто! Когда это единственно верное решение.

Уже сидя в такси, Соня сняла с себя маску, разблокировала телефон и набрала Нельке, моля всех святых, чтобы та была на связи.

— Орлова, ты на часы смотрела? — услышала она сонный голос подруги. — Второй час ночи.

— Нелечка... прости... — выдохнула Соня, чувствуя, как её наконец начинает трясти по-настоящему. — Мне очень нужна помощь.

— Прямо сейчас?

— Да, Корнеева. Срочно. Мне нужна неотложка.

Глава 15

Залётная чайка переоценила свои возможности и огорчила очень влиятельного члена клуба. Дала, что называется, надежду на более тесное сближение, а сближаться передумала, махнула крылом перед самым носом и попыталась упорхнуть. Ситуация была бы вполне

банальной и не требовала бы личного вмешательства Моронского, если бы чайка совершенно случайно не прихватила «ролики» влиятельного члена.

Конфликт удалось исчерпать благодаря умению Макса вести переговоры с типами, уверенными в своей прямой родственной связи с Богом. Ну и, разумеется, благодаря компенсации морального ущерба вполне материальными часами и девочками, готовыми закрыть этот вечер без лишних философских вопросов.

После этого Моронский поспешил вернуться к приятно начатому общению с Соней в Привате.

— Не понял, — застыл он на пороге. — А где... девушка была?

Стаф замялся.

— Так она... ушла.

В смысле ушла?

Вот так просто взяла и ушла?

Ничего не попросив взамен?

Макс, конечно, много раз мечтал, чтобы женщины после определённых услуг сами растворялись в атмосфере, как дым от сигареты. Но никак не ожидал обнаружить эту суперспособность у Орловой.

Ладно бы часы увела — он бы понял. Ладно бы устроила сцену, потребовала чего-нибудь, хлопнула дверью. Но вот так, молча, сбежать она могла только в одном случае: если сильно пожалела, что вообще пришла.

И если пришла не по желанию, а из чувства долга.

Нет, изначально он именно на это и рассчитывал. Чувство долга, благодарности, неловкости — отличная дверь, если уметь правильно повернуть ручку. Один из старейших приёмов соращения скромных овечек.

Но с Соней что-то пошло не так.

С ней вообще в последнее время всё шло не так.

Макс чувствовал, что теряет контроль над ситуацией, а это ощущение нравилось ему примерно так же, как песок на зубах.

— Охрану ко мне. Быстро, — глухо сказал он, не сводя взгляда с пустого дивана. Потом повернулся к стафу: — А ты вон отсюда. В понедельник за расчётом.

Он тяжело опустился на диван, провёл ладонью по волосам и застонал сквозь зубы.

Ну что ж.

Будем считать — ничья.

Хотя, если честно, уделала она его знатно.

Сам идиот. Даже подумать не мог, что она просто возьмёт и удерёт. Хотя это же было вполне в её духе: вспыхнуть, поддаться, испугаться самой себя — и исчезнуть, пока он не успел поставить точку.

Но до чего же, сука, досадно.

Как будто дали в руки вожделенную игрушку, позволили почувствовать её вес, тепло, запах — и тут же забрали.

И на охрану наезжать было бессмысленно. Он ведь не давал прямого приказа не выпускать её из клуба. Не сказал никому: держать, не отпускать, не выпускать ни под каким предлогом. А без приказа в «Пороке» никто лишний раз не проявлял инициативу. И правильно делал, если хотел дожить до следующей зарплаты.

Снизу сообщили, что девушка покинула клуб десять минут назад.

Всего десять грёбанных минут.

Макс посмотрел на смятую портьеру, на диван, на бокал, к которому она так и не притронулась, и медленно усмехнулся.

Ладно.

Пусть побеждает ещё немного.

Недолго осталось.

А он пока подумает, как её наказать.

Ко вторнику у него в голове набралась по меньшей мере тысяча идей, как превратить Сонину жизнь в филиал ада, но об Орловой по-прежнему не было никаких новостей. Девчонка будто сквозь землю провалилась.

Биллинг её номера ничего не дал. Последний раз телефон выходил на связь из дома в субботу рано утром. Все номера пробили — никаких зацепок. В основном она общалась с подружкой, которую, естественно, тоже проверили, и оказалось, что подруга тоже внезапно исчезла с радаров, предварительно взяв на работе больничный.

Ну хоть что-то.

Пока ждал информацию о подруге, Моронский совершил, пожалуй, самый необъяснимый поступок в своей жизни: съездил к Соне домой. Сам. Лично.

Дверь открыла приятная миниатюрная женщина лет сорока с небольшим, вполне себе факабельного вида, если бы Макс в данный момент был способен думать о ком-то, кроме её дочери. Для матери взрослой девушки выглядела молодо. И глаза у неё были Сонины.

— А Соня дома? — спросил он и вдруг почувствовал себя третьеклассником, который пришёл позвать в кино девочку, нравившуюся ему до дрожи в коленках.

— Нет. Она уехала.

— Она не отвечает на звонки, — сказал Макс, снимая солнечные очки.

— Она телефон дома забыла, — строго пояснила женщина и поджала губы.

Ага. Как же. Забыла.

— А не подскажете, куда уехала?

— Нет.

— Макс, — представился Моронский.

— Нет, Макс, не подскажу. Соня просила никому не говорить, где она.

Ясно.

В сговоре, значит.

— Спасибо.

— Не за что.

Он уже спустился на пару ступенек, когда женщина окликнула:

— Максим?

Макс обернулся.

— Мне кажется, она от вас уехала.

— Угу, — хмыкнул он, откидывая со лба упрямые пряди. — Не сложно было догадаться. Значит, это она конкретно от него носом вертит.

Усыпила, размотала, развела этой своей мнимой покорностью — и слиняла. Дала попробовать сладкое и исчезла.

Раньше пресечь женские закидоны было так же просто, как достать бумажник из кармана. Но раньше ситуация почти всегда была с точностью до наоборот, а главное — предельно понятна. С Орловой базарный способ не прокатывал. А на поиск причин, почему вдруг всё пошло не по плану, уходило неоправданно много времени и нервов.

Игра затянулась.

Вышла из-под его контроля.

И это начинало его порядком напрягать.

Что с этой бабой не так? Что ей надо? Что он должен сделать? На колени упасть? Да ни перед одной женщиной он ужом не вился и перед этой не собирался. Возьмёт своё — и всё. Надо только найти её. Пока месяц не истёк.

И вообще, это уже дело принципа.

Слишком много драгоценных ресурсов он на неё потратил. Слишком много эмоций. Времени. Слишком много внимания для одной упрямой девочки с глазами цвета тёмного янтаря. Нет.

Теперь он не мог отпустить её просто так.

И одной сатисфакции ему будет мало.

Он возьмёт всё.

Не спеша.

Растягивая удовольствие.

Планы планами, но Моронский уже не знал, во что сублимировать и куда направить энергию. Сначала с каким-то тупым остервенением бросал железо в спортзале. Потом час мочалил руками и ногами грушу — без перчаток, в одних бинтах, без щитков на голеньях. Потом выдержал самую жестокую порку вениками, на какую только был способен Саныч.

Всё было не то.

И самое обидное: после вечера пятницы в его Привате Моронского вдруг стало мутить от привычных клубных девочек. Ничего личного, просто стало мутить. Слишком отточенно. Слишком профессионально. Слишком безотказно.

А ему теперь хотелось не безотказности.

Ему хотелось, чтобы сопротивлялись, дрожали, сдавались не потому, что так надо, а потому что больше невозможно не сдаться.

Вечером в среду на его рабочий стол легла одна-единственная бумажка. Николай, начальник службы безопасности, ткнул пальцем в два адреса.

— Здесь или здесь, — сказал он. — Но я бы сначала сюда поехал. У неё там бабушка живёт.

— Деревня Калачи? — Макс щёлкнул ручкой и расслабленно откинулся в кресле.

Ну вот и славно.

Нашлась.

Девчонки сидели на крыльце бабушкиного дома.

Майский день медленно тускнел, уставал и вздыхал тёплым, почти летним ветерком, застревая в свежей, ещё липкой зелени деревьев и девичьих волосах. Где-то за огородами мычала корова, в траве лениво звенели первые комары, а в воздухе стоял густой запах земли, травы, дыма и той самой деревенской свободы, которую городские люди обычно любят ровно первые три часа.

— Хорошо тут, — сказала Соня, глубоко вдыхая вечерний воздух.

— Ага. Коровки, свинки, навозик, комары, — Нелька звонко шлёпнула себя ладонью по щеке. — Красота.

— Не ёрничай. Если бы не я, ты бы ещё сколько бабушку не навещала?

— Если бы не ты, я бы сейчас сидела в кофейне с каким-нибудь приятным дяденькой и слушала его сказочки, делая вид, что верю каждому слову.

Нелли потянулась и поболтала ступнями в бабушкиных калошах.

— Тем более скажи спасибо, что приехала, — не сдавалась Соня, водружая подруге на голову только что доплетённый венок из первых полевых цветов. — Отдохнёшь от сказочников.

— Ох, Орлова, я даже не знаю, как ты будешь рассчитываться со мной за этот «больничный», — Нелька тяжело вздохнула и начала загибать пальцы. — Машину на СТО не поставила — раз. На работе пришлось наврать — два. Вместо свиданий сижу тут с сорняками на башке — три. И это я ещё не начала считать моральный ущерб от отсутствия нормального кофе.

— Я тебе этого не забуду, подруга, — торжественно заверила её Соня.

— Конечно. Я к тебе во снах буду приходить и напоминать, на что я ради тебя пошла.

Соня обняла подругу и чмокнула её в щеку, уже подрумяненную солнцем и деревенским воздухом.

— Но ты как хочешь, а я здесь максимум до вечера пятницы, — предупредила Нелька. — Потом уеду. Я в этой глуши до конца месяца с тобой куковать не собираюсь. Если я в ближайшие два-три дня не попаду к бровисту и на маникюр, я превращусь в самку йети. Я уже сейчас в твоём венике выгляжу как Фрида Кало на минималках.

Соня вздохнула и задумчиво протянула, будто вовсе не слушала:

— Мне бы ещё дней пятнадцать продержаться...

Нелька даже поперхнулась.

— Ты серьёзно? Ты готова полмесяца сидеть здесь, скрываясь от мужика, за которым охотится весь столичный курятник?

— А что тебя смущает? Я же Орлова всё-таки.

— Ой, не понимаю я, чего ты бегаешь, Орлова. Я бы уже давно дала.

Соня тяжело вздохнула.

— Да не вздыхай ты так, а то я про себя плохо думать начинаю, — проворчала Корнеева, потом придвинулась ближе, оглянулась и заговорила тише, почти ласково: — Просто дай ему то, что он хочет. Он, как клещ, напьётся и сам отвалится.

— Да, — кивнула Соня. — Он-то отвалится сытый. А мне потом всю жизнь всех мужиков с ним сравнивать. Не хочу.

— Всё равно, — не сдавалась Нелька, — из-за одного сорвавшегося разврата приехать на болота и две недели кормить комаров — это, конечно, сильно. Я бы даже сказала, концептуально.

— Это был не разврат, — шёпотом возразила Соня и густо покраснела. — Меня просто... использовали в образовательных целях.

Нелька расхохоталась так, что венок съехал набекрень. Она сняла его и, надевая уже на Сонину голову, прошептала ей прямо в ухо:

— Орлова, я тебе страшную тайну открою: это у взрослых людей и называется развратом.

Соня тоже тихонько захихикала, хотя любое воспоминание о вечере прошлой пятницы вызывало в ней совсем не смех.

Когда она шла в клуб, она, может, и не до конца, но всё же отдавала себе отчёт, зачем идёт. Она даже была готова. По крайней мере, ей так казалось. Но предположить, что всё случится именно так, она не могла.

Для себя Соня выбрала гениальную, как ей тогда казалось, стратегию защиты собственной психики: не подписываться с Моронским ни на что, что могло бы понравиться ей самой.

Она была уверена, что такая близость в принципе не может нравиться женщине. А значит, ни с чем приятным Моронский у неё ассоциироваться не станет. Неприязнь и разочарование должны были стать естественными тормозами перед пропастью.

И сам он, по её расчётам, должен был понять, что с Соней в этом плане ловить нечего, и наконец отвалить.

На это и был основной расчёт.

Кто же знал, что она ошибалась.

И по поводу близости.

И по поводу себя.

И по поводу Моронского.

Теперь Соня окончательно понимала: она имеет дело со взрослым, опытным и очень властным мужчиной, который привык играть только по своим правилам, причём правила эти порой не поддавались никакому здравому смыслу. Одному дьяволу известно, что у Моронского на уме. Понять, просчитать, предугадать его не под силу ни одному нормальному человеку.

Даже её неуклюжую попытку взять ситуацию под контроль он умудрился перехватить и использовать по-своему. Взял всё в свои руки. Перестроил сцену под себя. Обратил её же «оружие» против неё самой.

И Соня не могла не признать: именно это в нём больше всего и притягивало.

Она боялась его таким, каким он был в «Пороке».

Но именно таким хотела.

А ещё именно там, в «Пороке», в этом красном полумраке, среди музыки, дыма, масок и чужого бесстыдства, она впервые почувствовала себя не хорошей девочкой, не удобной дочерью, не верной подругой, не будущей правильной женой правильного мальчика, а настоящей женщиной.

Красивой.

Желанной.

Опасной даже для самой себя.

Глава 16

Наверное, на свете не существовало ни одного человека, который смог бы внятно объяснить Моронскому, зачем он вообще встал в пять утра после того, как рухнул спать около двух ночи, даже не раздеваясь. Зачем убил восемь часов на дорогу, по пути, кажется, окончательно прикончив подвеску? Чтобы приехать в такую дыру, которую даже гугл-карты, наверное, под писали бы: «ну и жопа мира»? Потом ещё сорок минут кружить по этим просёлкам, пугая бабок с бидонами вопросами про каких-то Корнеевых?

Вот зачем ему всё это?

А потом он увидел её впереди — с авоськой в руках, в лёгком белом платье в дурацкий горошек — и все вопросы как-то сами собой отпали.

Идёт. Бёдрами покачивает. Ногами длинными сверкает. Ветер треплет подол платья и волосы, заплетённые в косу. Косу, мать её.

Макс даже усмехнулся про себя.

Ну надо же.

Коса.

Как будто специально решила добить.

Она шла, ничего вокруг не замечая, то ли в наушниках, то ли настолько глубоко в своих мыслях, что весь остальной мир для неё просто перестал существовать. И от этого почему-то накрывало ещё сильнее.

Интересно, часто она тут так ходит? Настроение местным алкашам поднимает? Им, значит, можно на Соню смотреть, а ему нельзя?

Она свернула в переулочек. Макс тихо вышел из машины и пошёл следом. Осторожно, почти бесшумно, как хищник, подкрадывающийся к слишком беспечной добыче.

И только возле калитки она вдруг обернулась.

Глаза сразу стали огромными. Рот приоткрылся немой, растерянным «о».

Вздрогнула.

И тут же рванула бежать.

Наивная.

Макс поймал её уже возле самого крыльца, по дороге едва не наступив на что-то серое и мелкое, метнувшееся под ноги. Только потом понял, что это не мышь, а её подружка в огромной футболке и шортах, застывшая столбом посреди двора.

Он развернул Соню к выходу со двора, а она всё ещё дёргалась, пыталась вырваться, упиралась ладонями ему в грудь. Дышала тяжело, волосы растрепались, щёки покраснелись, глаза горели так, что у него самого внутри всё скрутило.

Господи, какая же она была живая.

До самой последней ступеньки крыльца Соня надеялась, что это просто у неё окончательно помутился рассудок, а не сам Моронский приехал за ней в такую глушь.

Потому что это был именно тот редкий случай, когда собственное безумие пугало её меньше, чем этот человек.

— Корнеева, сделай что-нибудь! Я не хочу... — Соня тормозила подошвами шлёпанцев по дорожке, едва не выскальзывая из них.

Она отчаянно надеялась, что Нелька сейчас схватит её за руку, начнёт тянуть обратно, поднимет крик, позовёт бабушку с вилами — хоть что-нибудь.

Но Корнеева стояла как зачарованная, вытянув шею и уставившись на Моронского как на материализацию порока.

— Извини, Соня... он слишком красивый. Я не могу, — наконец выдала она почти виновато.

Идиотка.

Моронский ещё раз дёрнул Соню к себе, но она вдруг перестала сопротивляться.

Почувствовав это, Макс сразу ослабил хватку.

— Я не хочу с тобой никуда ехать, — сообщила она на всякий случай, хотя по его лицу было понятно: мнение её в этом вопросе учитывается примерно никак.

— Сядь в машину. Поговорить надо.

Он уже не тянул её силой, просто стоял напротив, скрестив руки на груди, и смотрел так тяжело, что у Сони слабели колени.

— Поговорить можно и здесь, — тихо заметила она, пытаясь стянуть на груди края выреза платья.

— Не заставляй меня усаживать тебя в машину силой. Сядь сама.

Соня выглянула за калитку.

Моронский приехал без водителя, но с целым сопровождением: чёрный Лексус, ещё одна машина, два амбала за рулём. Словно не за девушкой в деревню приехал, а брать под контроль нефтяную вышку.

— Поговорим. Просто поговорим, — повторил он уже спокойнее и открыл перед ней дверь пассажирского сиденья.

Она всё-таки подошла.

К Брабусу.

Господи, конечно же, это был не просто Гелик.

Потоптавшись пару секунд, Соня забралась внутрь и услышала, как Моронский тихо выругался, закрывая за ней дверь.

Салон пах кожей, мятой, табаком и его парфюмом. От одного этого запаха у неё снова закружилась голова.

Ну почему даже запах его действует на неё так?

Макс молча сел за руль, смерил её тяжёлым взглядом и резко тронул машину с места. За окнами пронеслись деревенские дома, хозяйственные постройки, потом указатель с перечёркнутым «д. Калачи».

Не сбавляя скорости, он свернул на просёлочную дорогу, проехал вдоль поля и остановился в тени лесополосы.

Заглушил двигатель.

И только тогда повернулся к ней.

Смотрел долго. Тяжело. Так, что Соня снова машинально потянула подол платья ниже.

— Почему ты сбежала?

Голос прозвучал негромко, но жёстко.

Соня сильно прикусила губу.

Почему?

Она отвернулась, спрятала лицо в ладонях, потому что да, стыдно. Ужасно стыдно. Стыдно за то, что она пришла к нему тогда. За то, что не ушла сразу. За то, что помнила всё не как ошибку, а как что-то обжигающе живое.

— Не смей стесняться меня, Соня, — сказал он уже ниже, глуше, и в голосе его впервые за всё это время было не только желание, но и почти злость на её собственную жестокость к себе. — Слышишь? Не смей.

Соня зажмурилась, чувствуя, как страх и влечение снова переплетаются так тесно, что отделить одно от другого уже невозможно. Она попыталась сдвинуть колени, закрыться, сохранить хоть какую-то границу, но Моронский только тяжелее навис над ней, не давая спрятаться ни телом, ни взглядом.

— Ты думаешь, мне твои подачки нужны? — выдохнул он ей в щёку. — Думаешь, я со шлюхами так долго вожусь? Не разочаровывай меня, Орлова.

От этих слов её будто обожгло. Она резко открыла глаза, готовая ударить, оттолкнуть, сказать что-то такое, после чего уже точно всё закончится, но он вдруг замолчал.

Просто замер.

Его взгляд скользнул ниже, остановился, и в следующую секунду лицо его изменилось. Вся грубая злость, которой он прикрывался, дала трещину, и сквозь неё прорвалось что-то совсем другое: тёмное, голодное, почти благоговейное.

— Красивая, — сказал он хрипло, будто сам не ожидал от себя этого слова. — Какая же ты красивая.

И именно это почему-то испугало Соню сильнее, чем все его угрозы.

Он больше не рычал, не издевался, не играл в зверя. Он целовал её иначе — ниже, медленнее, опаснее, будто не завоёвывал, а заставлял её самой признать то, от чего она столько дней убегала. Соня чувствовала, как собственное тело перестаёт ей подчиняться, как предательски выгибается навстречу, как пальцы сами находят его плечи, сначала будто для того, чтобы оттолкнуть, а потом — чтобы удержать.

«Нет, это невозможно. Это нужно остановить».

Но когда он на мгновение отстранился, давая ей возможность выдохнуть, Соня вдруг сама потянула его голову обратно к бёдрам и поздно поняла, что это уже не защита.

«Боже, нет».

«Боже, да».

— Потерпи, сладкая, — прохрипел он, и в его голосе было столько сорванного контроля, что у неё внутри всё оборвалось. — Сейчас станет хорошо.

Дальше всё потеряло очертания.

Остались только жар, его губы, руки, язык, его дыхание, тесный салон машины и невозможное чувство, будто внутри неё сжимается тугая, раскалённая спираль. Она не понимала, где заканчивается стыд и начинается удовольствие, где страх превращается в доверие, а сопротивление — в отчаянную потребность не останавливаться. Моронский то приближал её к самому краю, то вдруг отступал, заставляя её возвращаться в себя на секунду только для того, чтобы снова потерять опору.

Это было не похоже ни на что, что Соня знала раньше. Не на Лёвину аккуратную правильность. Не на свечи, шторы и музыку, включённую заранее.

Это было грубо, неправильно, слишком живо, слишком стыдно и слишком хорошо, чтобы успеть придумать этому приличное название. То, на что Лёва никогда почему-то не решался...

А потом что-то внутри неё действительно взорвалось.

Не так, как пишут в романах, где героини обязательно успевают подумать о звёздах и вечности. Соне показалось, что её просто прошило насквозь: тело вытянулось в тугую струну,

воздух исчез, сердце ударило куда-то в горло, и она упала из самой высокой точки собственного страха в белый, ослепительный шум.

Когда слух начал возвращаться, она ещё не сразу поняла, где находится.

Кто она.

Что только что произошло.

Она лежала с закрытыми глазами, сгорая от стыда и странной, почти болезненной благодарности к тому, что он больше ничего не требовал. Только его дыхание касалось её щеки, а потом губы нашли её губы — мягко, почти невесомо. Без напора. Без приказа. Просто целовали, пощипывали, возвращая её обратно в тело, в машину, в эту невозможную реальность.

— Это было очень... ярко, Соня, — тихо сказал Моронский, поднимаясь над ней. — Извини за бельё. Прямо нашло что-то.

Она медленно, словно отходя от наркоза, оторвала голову от сиденья и села, поправляя подол платья. В ушах всё ещё шумело. На щиколотке болталась белая тряпочка, бывшая ещё недавно вполне приличными кружевными трусиками. Соня молча скомкала её в кулаке. Она чувствовала взгляд Моронского на себе, но не могла заставить себя посмотреть на него в ответ.

Что делать? Что говорить? Вообще, в таких ситуациях надо ли что-то говорить? А как теперь себя с ним вести?

Макс потянулся за футболкой, и Соня заметила на его плечах пару свежих царапин.

Неужели это она сделала?

Обратно они ехали молча.

Макс только изредка бросал на неё тяжёлые взгляды из-под нахмуренных бровей, а Соня делала вид, что изучает татуировки на его кистях — цифры, фразы на латыни, какие-то знаки, смысл которых ей вдруг отчаянно захотелось понять.

«Только не влюбляйся», — умоляла она саму себя.

«Поздно», — хихикнул первый внутренний голос.

«Абсолютно», — спокойно подтвердил второй.

Машина остановилась возле ворот.

— Поедешь сейчас со мной, — сказал он так, что невозможно было понять: это приказ или просьба.

— Нет.

Макс медленно вдохнул.

Челюсть у него снова сжалась.

— Тогда уходи прямо сейчас, — произнёс он тихо, но страшно. — Иначе я реально не выдержу. Скручу тебя и увезу силой.

Соня застыла.

Он вдруг резко повернулся к ней всем корпусом:

— Ещё секунда, Соня...

И рывкнул так, что у неё снова заложило уши:

— ПОШЛА ВОН!

Она вылетела из машины почти мгновенно.

Едва дверь захлопнулась, Брабус сорвался с места, поднимая за собой облако пыли.

Соня осталась стоять посреди дороги и смотреть ему вслед.

И почему-то именно сейчас стало больно.

По-настоящему.

Рядом тихо появилась Нелька и осторожно положила ладонь ей на плечо.

— Пошли в дом? — мягко сказала она.

Соня кивнула и уже шагнула к калитке, когда из машины сопровождения вышел знакомый амбал.

Подожёл, протянул брелок.

— Максим Андреевич просил передать... если вы останетесь.

Он замялся, покраснел и явно пожалел, что вообще ввязался в эту миссию.

— И ещё сказал... — детина кашлянул. — За лучший... минет в его жизни.

Быстро сунул ключи Соне в ладонь и почти бегом направился обратно к машине.

Нелька уставилась на брелок.

— А-ху-еть... — выдохнула она. — Это же новый Порш.

Но Соня уже ничего не слышала.

Глаза застилала густая пелена, а внезапная, острая боль в груди переполнила её до краёв.

И слёзы хлынули сами собой.

Глава 17

«Сука! Вымотала! Выбесила! К чёрту всё!» Он больше ни минуты не собирался тратить на эту девчонку. Пусть катится из его жизни!

«Под кожу пробралась. Змея. Ненавижу...»

Ещё он за бабой по каким-то «Калачам» не бегал. За той, которую даже толком не получил.

Немыслимо. Чтобы он — Моронский... Да кто она вообще такая? Откуда взялась?

Педадь в пол, а всё равно казалось, что машина еле тащится. Дождь зарядил стеной, дворники метались по лобовому стеклу, не успевая разгрести потоки воды. Луи под колёсами взрывались фонтанами.

До ночи бы успеть в город.

А перед глазами всё равно она. Её распахнутый взгляд. Растерянность. Стыд.

И что-то тёмное, опасное, почти порочное, что пряталось где-то глубоко внутри и прорывалось наружу только рядом с ним.

Да, там в ней такой ураган, что она сама не понимает. Не подозревает даже, на что способна.

Но почему опять мимо? Почему опять это её «нет»? После того, как он собственными руками чувствовал, как её уносит? Видел же — она потерялась тогда окончательно. Настоящая. Без своих правильных девичьих масок.

Ему уже не хотелось играть.

Хотелось просто узнать, какая она внутри. Такая же, настоящая, как и снаружи? Просто он наелся фальши. Она была повсюду. Искусственные сиськи, искусственные ягодички, пришитые волосы, нарисованные брови, перекроенные, по одному лекалу лица. Первокласные шлюхи, как с обложек глянца, на всё согласные. Но фальшивки с такими же поддельными эмоциями. Даже запахи ненастоящие. Дорогие, идеально собранные — и абсолютно пустые.

А у этой всё своё. И взгляд. И запах. И эта нелепая привычка краснеть от собственных мыслей. Даже аромат её был каким-то настоящим. Почти забытым. Будто из детства. Или вообще из другой жизни.

С машиной, конечно, вышло жёстко.

Но она сама виновата.

Он ведь не собирался вручать ей ключи вот так. Просчитывал это как запасной вариант, на крайний случай. До последнего был уверен — поедет с ним. Тогда бы всё было иначе. Красиво. Наверное.

Хотя что значит «красиво», он и сам не очень понимал. Машины женщинам дарить как-то раньше не приходилось.

Какой чёрт вообще дёрнул его купить этот «Порш»?

Станный, импульсивный порыв и немного первобытной мужской логики: обозначить своё. Чтобы больше ни один придурок на дороге даже не думал подкатывать к ней яйца. Потому что такая девочка в такой машине — всегда чья-то. Номера даже сделал говорящие. Чтобы уж наверняка.

Он зло усмехнулся и включил музыку. Fujiya & Miyagi что-то лениво тянули про love me, touch me, suck to me, и Макс раздражённо вырубил трек.

К чёрту.

Лучше Marilyn Manson.

Доберётся до дома, душ, переодеться — и в клуб. Две голубушки сегодня его быстро приведут в чувство. Или три.

А с этой всё. Хватит.

Совсем не в кайф, конечно, столько времени на неё угробить. Нервов. Мыслей. Фантазий.

А ведь как хорошо им могло быть. Долго. Без тормозов. Он бы ей такой мир открыл, что картинки с той выставки показались бы детскими раскрасками.

«Всё. Проехали. Забыл».

Ни на одной женщине свет клином не сошёлся.

Это ему просто показалось.

Сесть за руль треклятого «Порша» всё-таки пришлось, как бы Соня ни сопротивлялась. Не оставлять же его в «Калачах». Тем более что по документам машина теперь принадлежала ей.

Молодец, Моронский. Нечего сказать. Одарил так одарил. Теперь каждый раз, глядя на этот автомобиль, она будет вспоминать всё, что пыталась забыть. А она и без того не могла выбросить его из головы.

«На, девочка, тебе игрушку. Ты ведь так любила делать вид, что не такая, как все?»

Получается, Лёва был прав.

Продажная.

Пусть даже не за деньги. Какая теперь разница?

Эта машина стояла между ними как клеймо.

«Молодец, Моронский, — снова мысленно процедила Соня. — Показал ей её место».

Ещё и унизил перед своим охранником. Будто специально.

За что? Что вообще за человек способен сначала смотреть на тебя так, словно ты для него единственная, а потом — разорвать на части несколькими словами?

Ездить на «Порше» она, конечно, не будет. Пусть стоит. Пусть пылится. Пусть вообще сгниёт на парковке.

А она вернёт себе старую «Кию». Свою. Нормальную. Честную.

Нет. Звонить первой она не станет.

Пусть сам звонит.

Или нет. Пусть вообще забудет о ней.

Или...

Пусть позвонит. А она не ответит.

Вот прямо сейчас возьмёт и заблокирует его номер.

Не сбавляя скорости, Соня одной рукой шарила по пассажирскому сиденью среди чеков, салфеток и бутылки воды в поисках телефона, пока не вспомнила, что тот остался в Москве.

Ладно. Потом. Сейчас доедет до города — и заблокирует.

Только почему-то внутри сидело странное, тяжёлое чувство, будто это была их последняя встреча.

Не будет он больше звонить.

Не станет искать.

Она слишком сильно его разозлила.

У него были такие глаза тогда... И это его «ПОШЛА ВОН» прозвучало так, будто что-то внутри него действительно сорвалось. Терпение кончилось.

Получается, она победила?

Странная какая-то победа. Горькая.

Будто выиграла войну, в которой потеряла больше, чем сохранила.

Ну и ладно. Ну и хорошо. Закончится наконец эта пытка. Эти два невозможных, стыдных, совершенно неправильных эпизода со временем сотрутся из памяти.

Она переживёт. Никогда больше не будет о них думать.

Никогда.

Главное — никакой музыки.

Вообще никакой.

До конца жизни.

Всю дорогу он гнал так, будто пытался от чего-то убежать.

До дома добрался уже в сумерках. Не разуваясь, прошёл в гостиную, на ощупь нашёл на столе пачку «Трежер», закурил и тяжело рухнул на диван.

Устал.

Может, ну его к чёрту этот клуб сегодня? Уснуть прямо так. В брюках и ботинках. Выбросить этот день из головы, потому что от самого себя уже тошнило.

Но вместо этого он взял телефон. Открыл поиск.

«Софья Орлова Инстаграм».

Ничего.

То есть куча Орловых, но всё не то.

Как у девушки в двадцать первом веке может не быть ни инстаграма, ни фейсбука, ни даже сраного ВКонтакте?

«Кто ты вообще такая?..»

Попробовал найти Нелли Корнееву. Тут было проще. Фотографии с выставок, тусовок, кофеен, вечеринок. Всё очень «на стиле». С претензией. Видно — характер у подружки ещё тот.

Но Орловой и тут почти нигде не было. Ни одной нормальной фотографии. Не тусовщица, значит.

Странная.

Он набрал: «Софья Орлова дизайнер».

Нашёл рабочий аккаунт на каком-то фриланс-сайте. Без аватарки. Сухая анкета, контакты и портфолио.

Работы хорошие, чистые, со вкусом. Но ещё неопытные.

Как и сама Соня.

Хоть бы одну фотографию.

Он бы, может, тогда понял, что с ней не так и почему его так на ней переклинило.

Макс раздражённо отбросил телефон, докурив сигарету и потёр ладонью лицо.

Вот чем он опять занимается?

Пошёл в душ.

Долго стоял под ледяной водой. Потом под почти кипятком. Потом снова под холодной.

Вот с чем у него теперь ассоциировалась Орлова — с контрастным душем. С американскими горками.

То вверх. То вниз. То жарко так, что нечем дышать. То холодно до ломоты внутри. И всё это — на пределе.

Желание вдавить в себя эту упрямицу, растворить, удержать рядом, понять, почему именно она, выходило уже далеко за рамки обычного влечения.

Из гардеробной он вышел, застёгивая тёмно-бордовую рубашку — цвета своего личного ада.

По пути взгляд зацепился за гитару. Остановился. Старая Fender сама будто попросилась в руки.

Играть он не собирался. Честно. Но пальцы сами легли на струны.

Когда-то, ещё подростком, долговязым и сутулым, Макс научился играть только потому, что хотел нравиться девчонкам. А потом втянулся по-настоящему.

Теперь играл хорошо. Очень. Старый американский рок. Pink Floyd. Bon Jovi. Santana. Chris Isaak.

И в какой-то момент вдруг понял, что из-под пальцев лезет какая-то сентиментальная дрянь.

— Красотка, — сказал он гитаре, — у тебя сегодня ПМС, что ли?

Струны тихо звякнули.

— Понял. Бабы.

Он посмотрел на часы — во Флориде утро.

Набрал отца.

Тот долго не отвечал.

Потом наконец в трубке раздался сонный кашель.

— Привет, сын.

— Привет, па.

— Всё хорошо?

— Нормально.

Созванивались они редко. Всё как обычно: привет, как дела, как мама, работа, новости.

Но вдруг Макс сам не понял, почему спросил:

— Па... а ты маму любишь?

На том конце повисла короткая пауза.

— Я? — удивился отец. — Я её ненавижу. Она меня всю жизнь бесит. Вот сейчас опять не с той стороны к газонокосилке лезет. Наверное, хочет, чтобы ей пальцы отрубило. У неё же их много.

Макс рассмеялся.

И сам не заметил, как уснул прямо на диване. В расстёгнутых брюках, в рубашке и одном носке.

Что делает девушка, решившая навсегда забыть мужчину, который разворотил ей душу? Правильно.

Лезет в Гугл искать его фотографии.

Результатов оказалось немного. Пара статей с шаблонными заголовками вроде: «Неуловимый холостяк столицы».

Тьфу. Какая пошлость.

На фотографиях Моронский почти нигде не смотрел в объектив. Всегда куда-то мимо. Но почему-то Соне казалось, будто он смотрит прямо на неё.

Она резко захлопнула ноутбук.

И что теперь делать со всем этим? Что-то не очень-то он забывался.

Соня взяла телефон. Открыла контакт «Моронский». Настройки. «Заблокировать контакт?»

Палец завис над экраном. Вздох. Отмена.

Она открыла приложение с книгами и попыталась читать «Заводной апельсин», но через сорок минут поняла, что читает какую-то тревожную, вязкую жесь, от которой внутри стало ещё хуже.

Книгу пришлось закрыть.

Ответов меньше не стало. Наоборот.

Она снова открыла ноутбук.
На экране — его фотография.
Увеличила.
Долго смотрела.

А потом медленно откинулась на подушку, закрыла глаза и опустила руку под резинку трусов...

Глава 18

Две недели.
Две недели!

Ровно две недели прошло, а значит, безумную историю с Моронским можно было закрывать. Аккуратно сложить в маленькую коробочку, перевязать красивой ленточкой или, что, пожалуй, вернее, запереть на большой амбарный замок и убрать на самую дальнюю полку кладовой памяти, в самый тёмный её угол, куда никогда не проникает сознание. Ни один его лучик. А ключ потерять. Утопить. Сжечь. Развеять пепел над какой-нибудь рекой с плохой репутацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.